

АЛЕКСАНДР
ПЕЧЕРСКИЙ:
ПРОРЫВ
В БЕССМЕРТИЕ

александр печерский:
прорыв в бессмертие

**АЛЕКСАНДР ПЕЧЕРСКИЙ:
ПРОРЫВ В БЕССМЕРТИЕ**

УДК 821.161.1-3

ББК 84Р7-4

А46

Оформление — *Дмитрий Минеев*

Издание осуществлено при поддержке РОДП «ЯБЛОКО»

А46 Александр Печерский: прорыв в бессмертие / Сост. И. Васильев. — М.: Время, 2013. — 160 с.: ил.

ISBN 978-5-9691-0846-2

В настоящем издании собраны воспоминания Александра Ароновича (Саши, Сашко) Печерского — офицера Красной Армии, руководителя единственного в мировой истории успешного восстания в немецком лагере смерти (Собибор).

В книгу включены также поэма М. И. Гейликмана «Люка», давшая старт международному проекту по увековечению памяти героев этого восстания, и обращение общественности к Президенту России В. В. Путину с просьбой о содействии в мемориализации — награждении участников, обеспечении государственного статуса мероприятиям, посвященным 70-летию их подвига, и включении необходимой информации в школьную программу.

ББК 84Р7-4

ISBN: 978-5-9691-0846-2

© А. А. Печерский, наследники, 2013

© М. Гейликман, 2013

© И. Васильев, составление,
подготовка к публикации, 2013

© «Время», 2013

Дорогой читатель!

Вы держите в руках уникальную книгу, посвященную подвигу Александра Печерского — руководителя восстания в лагере смерти Собибор. Страшная история лагеря началась в марте 1942 года, когда по специальному приказу Гимmlера, руководителя СС и шефа гестапо, близ небольшого польского городка Собибор в Люблинском воеводстве был построен (в условиях строжайшей секретности) лагерь смерти — предназначенный, в отличие от многих своих «собратьев», исключительно для уничтожения евреев. Осенью 1943 года узники лагеря совершили невозможное: они подняли восстание и, перебив часть эсэсовцев и охранников-вахманов из числа украинских националистов, вырвались на волю. После восстания Гимmlер приказал уничтожить лагерь: здания были разрушены, земля перепажана и засеяна...

Восстание в Собиборе — одна из самых героических страниц истории Сопротивления, единственный в мировой истории случай, когда восстание узников фашистского лагеря смерти завершилось победным прорывом. За рубежом о восстании и его организаторе сняты фильмы, написаны десятки книг, ему посвящены экспозиции в музеях Польши, Израиля и Голландии. Но в СССР и в современной России оно мало кому известно, хотя руководил восстанием людей, согнанных со всей Европы, советский офицер, лейтенант Александр Аронович Печерский, а ядро восставших составили именно советские военнопленные. Трое из тех солдат — жители Рязани, Киева и Тель-Авива — здравствуют и поныне.

Последующая судьба нашего героя сложилась непросто. Партизанский отряд, штрафбат (офицер, побывавший в плену), тяжелое ранение, госпиталь, вскоре после войны — гонения в эпоху сталинской борьбы с «безродными космополитами», многолетнее прозябание в ростовской коммунальной квартире. Героизм Александра Печерского состоял не только в том, что он повел узников на штурм собиборовских заграждений, но также и в том, что, несмотря на все эти неурядицы, он и в дальнейшем не

сошел с пути командира, «отца солдатам». Всю свою жизнь, будучи человеком исключительной личной скромности, Печерский занимался розыском и — рискуя собственным благополучием — поддержанием связи с товарищами по оружию, рассеявшимися по всему свету. Вплоть до кончины в 1990 г. Александр Аронович неустанно добивался увековечения памяти погибших в Собиборе и наказания военных преступников, служивших в лагере. Последним и наиболее известным из них был Иван Демьянюк, который был осужден именно на основе показаний соратников Печерского.

Сколь беспримерным был подвиг А. Печерского, столь же несправедливым стало забвение. Им покрыта память о «Сашко» даже на малой родине героя: ни улицы, ни площади его имени в Ростове-на-Дону нет. Не награжден он пока ни единой российской государственной наградой...

По счастью, усилиями друзей Печерского и ныне здравствующих участников восстания удалось поднять общественную кампанию по восстановлению справедливости, а также популяризации образа и подвига героя. Эта кампания, развернутая инициативной группой и поддержанная многими деятелями культуры и искусства в России, странах СНГ и Израиле, уже достигла первых успехов. Вышел в свет репринт книги Печерского «Восстание в Собибуровском лагере», впервые опубликованной еще во время войны в Ростове и надолго забытой, открыт памятник герою в Тель-Авиве. Увековечение памяти А. Печерского и награждение ныне здравствующих участников восстания обсуждалось уже и на межгосударственном уровне — во время встречи лидеров России и Израиля на открытии памятника воинам Красной Армии в израильском городе Нетания.

Надеюсь, что книга, которую Вы держите в руках, станет еще одним важным кирпичиком в здании нашей памяти о войне и ее героях, нашим общим вкладом в борьбу с фальсификаторами истории — как за рубежами нашей страны, так и внутри нее.

Николай Сванидзе,
член Общественной палаты РФ

Александр Печерский
ВОСПОМИНАНИЯ

Семеро нас теперь, семеро нас собралось на советской земле: Аркадий Вайспапир, Семен Розенфельд, Хаим Литвиновский, Алексей Вайцен, Наум Плотницкий, Борис Табаринский и я — Александр Печерский. Семеро из сотен штурмовавших 14 октября 1943 года заграждения страшного гитлеровского лагеря истребления на глухом польском полустанке Собибор.

Здесь пойдет рассказ о безграничных человеческих страданиях и о безграничном человеческом мужестве.

Сперва немного о себе.

Я родился в 1909 в городе Кременчуге на Полтавщине. В 1915 году родители мои переехали в Ростов-на-Дону. Я закончил семилетку и музыкальную школу. Работал служащим и руководил театральными и музыкальными кружками самодеятельности.

В первый же день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я, как младший командир, был призван в Красную Армию. В сентябре на фронте я был аттестован как интендант второго ранга и сначала работал в штабе батальона, а затем в штабе полка.

Лето и осень 1941 года. Бесперывные бои с напирющими полчищами немецко-фашистских армий. Из одного окружения выходим, в другое попадаем. В начале

октября 1941 года, после тяжелых боев под Вязьмой попал в лапы гитлеровцев.

В плену заболел сыпным тифом. Всех военнопленных, больных тифом, немцы обычно расстреливали. Я сумел скрыть свою болезнь и как-то чудом остался жив. В мае 1942 года вместе с четырьмя пленными пытался бежать, но нас поймали и отправили в штрафную команду в город Борисов, а оттуда в Минск.

В Минск мы прибыли в конце лета 1942 года. В лагере, в лесу, нас было несколько сот человек. В один из августовских дней нас выгнали из бараков и построили в шеренгу по два для отправки в Германию. Перед отправкой произвели медицинский осмотр и обнаружили, что я еврей. Кроме меня было выявлено еще восемь евреев. Нас ждал трудовой лагерь...

Первые испытания

Солнечным августовским днем 1942 года нас, девятирх советских военнопленных, привезли в район Минска, в «лесной лагерь».

Вооруженный полицай, здоровенный, расхристаный, ведет нас мимо длинных деревянных бараков по двору с разными хозяйственными постройками, останавливает около подвала, который, похоже, совсем недавно сооружен, и велит спускаться туда. Я считаю ступеньки — двадцать четыре, и понимаю, что мы находимся глубоко под землей. Нас бросили в так называемый «еврейский подвал».

— Отсюда, — сказал полицейский, охранявший подвал, — одна дорога — только на тот свет. — И с пьяным смехом добавил: — Это лишь прихожая преисподней. В настоящий ад попадете попозже. Другого пути из этого погреба нет.

Вместе с нами в подвал врывается немного дневного света. Мы успеваем увидеть на земляном полу несколько досок и ночное ведро, стоящее в углу.

Дверь закрывается, скрежещет засов, звякает всякий замок.

В подвале царила крошечная тьма — подвал глубокий — ни окошка, ни щелочки. А людей там было набито столько, что и приткнуться негде. Лишь на пятый-шестой день, когда большая часть загнанных сюда людей погибла и трупы были вынесены из подвала, можно было прилечь на пару часов, и то только на боку. Мы валялись на голой сырой земле. Мы не могли отличить дня от ночи, потеряли счет времени. Есть нам почти не давали, лишь раз в день приносили баланду и пайку хлеба в сто граммов, и мы могли догадаться, что прошли сутки. Только по голосу мы соображали, кто где лежит.

В подвале мы пробыли десять суток. За это время нас ни разу не выводили.

Каждый раз, когда открывалась дверь, чтобы вынести очередной труп, охранник кричал в подвал:

— Долго еще ждать, пока вы все сдохнете?

Однажды старший охранник сказал:

— Вы нам уже надоели, но нет приказа вас расстрелять. Может, хватит вам мучиться, давите друг друга.

Я бросил ему в ответ:

— Вы этого не дождетесь.

...Кому-то из наших ребят удалось подстелить под себя доски, остальные бессильно повалились на холод-

ную влажную землю. Темнота вокруг непроглядная. Осторожными маленькими шагами, чтобы кого-нибудь не зацепить, добираюсь до стены и как-то устраиваюсь. Вытягиваю усталые ноги, кладу руку под голову, пытаюсь уснуть...

Мертвая тишина царит в подвале. Каждый погружен в свои тяжкие раздумья. Но вот справа от меня кто-то со вздохом зашевелился.

— Что ж дальше-то будет? — спрашивает сосед.

— Ты разве не слышал? Это дорога в ад...

— Как тебя звать?

— Саша.

— Откуда ты?

— Из Ростова.

— А я с Донбасса. Борис Цыбульский...

— Познакомились.

Мы помолчали. Спустя некоторое время он сказал:

— Давай, Саша, спать, что ли. Разве от мыслей польза будет?

— Я пытался уснуть — не получается.

— А ты представь, что летишь между облаками, — посоветовал Борис.

Я услышал, как он перевернулся на другой бок и через минуту тихо засопел. «Крепкие у него нервы», — по-

думал я и попытался представить себе, как выглядит мой сосед, но не смог. В конце концов уснул и я.

Разбудил меня знакомый романс. Пел Вадим Козин: «Осень. Прозрачное утро, небо как будто в тумане...» Романс этот, как видно, очень нравился полицаям, потому что пластинку они ставили раз за разом. И бесшабашная мелодия, и сентиментальные слова казались в нашем положении неестественными, дикими. От них щемило сердце, перед глазами вставал родной город, дом, семья. Но как далеко было все это, как туманно!

Рука невольно потянулась к карману и нащупала пакетик: между двумя плотными картонками, несколько раз обернутыми бумагой, лежала фотография группы детишек, воспитанников детского сада. Среди них — и моя Эллочка с куклой в руках. Эту фотографию я получил уже на фронте...

...В начале октября 1941 года немцы прорвали нашу оборону под Вязьмой. 596-й артиллерийский полк 19-й армии с боями пробивался из окружения. Был тяжело ранен комиссар полка Михаил Петрович Тишков. Политрук 4-го дивизиона Федор Пушкин получил приказ вынести раненого комиссара из окружения. Он взял с собой восемь бойцов, среди которых был и я.

Несколько раз мы пытались проложить себе дорогу огнем, но успеха не добились. Патроны у нас кончились. Осколками мины были убиты комиссар Тишков и один боец. Мы отошли к лесу, унося с собой погибших товарищей. Вечером похоронили их, положив на могилу две солдатские каски.

Произошло еще несколько столкновений с врагом. Мы отстреливались теми немногими патронами, которые нашли в окопах. И хотя нас сильно мучил голод, эти найденные патроны казались дороже хлеба.

Ослабевшие, истратив боеприпасы, мы угодили во вражескую засаду и вырваться уже не смогли. Произошло самое страшное, о чем не хотелось и думать, — мы попали в плен.

...Уже десять месяцев нас гоняют из одного лагеря в другой.

Смоленский лагерь. Ежедневно умирают сотни людей. Отходят во сне, падают, стоя в длинной очереди за баландой — супом из гречневой шелухи.

Мне пока еще удалось сохранить самое дорогое, что осталось от прежней жизни, — фотографию дочки...

— Борис, спишь? — спрашиваю Цыбульского, лежащего рядом со мной в подвале.

— Нет.

— Давайте разговаривать. Пусть каждый расскажет что-нибудь о себе. Историю какую-нибудь, байку. Можно и анекдоты травить.

Борис поддерживает меня:

— Ребята, что ж вы носы повесили? Еще не вечер. А чем журиться, так лучше языки почесать, и если кто завираться начнет, тоже не страшно — в темноте не видеть...

— Придумал! — отзывается кто-то ворчливым голосом. — На душе и так тошно, а тут еще ты со своими разговорами. Сейчас вот откроется дверь — и всех нас к стенке...

— А ты, братишка, не думай об этом, — говорю я. — Возьми хоть меня, к примеру... — и я принимаюсь рассказывать, как однажды чуть не утонул и как, в другой уже раз, не хватило минуты, чтобы мне сгореть во время пожара, как я выпал с третьего этажа и, сами видите, остался жив...

Кругом немного оживились. Пошли рассказы обо всяких неслыханных случаях, посыпались и перченые анекдоты.

Так прошло несколько дней. Уже было рассказано почти все, что помнилось и придумывалось, и мы — я и Борис — с тревогой ждали часа, когда говорить станет не о чем.

На десятый день шаги по ступенькам раздались в неурочное время: для баланды было еще рано. Что это — конец наш? Может, нарочно мариновали нас в темном подвале, чтобы мы ко всему стали безразличными, даже к жизни?

Открывается дверь, и мы видим перед собой «старого знакомого» — полицаю, который обещал нам путевку в ад.
— Развалились! Шевелитесь, да поживее!

Мы торопливо поднимаемся с земляного пола. Некоторые так ослабели, что не могут встать на ноги. А полицай торопит.

Борис подходит к человеку, который тщетно пытается подняться, и помогает ему. Направляемся к двери. Словно тысячи пудов висят на ногах. Я спотыкаюсь на ступеньках, хватаюсь руками за воздух.

Наверху кто-то ругается по-немецки: «Шнель, шнель, ферфлюхте швайне!»*

Полицай шипит, как змея:

* Быстро, быстро, проклятые свиньи! (нем.)

— Вам повезло. В ад вы еще попадете. Но сначала поработаете на пользу рейха. Так что пошевеливайтесь, скоты! Некогда мне с вами возиться!

И он пускает в дело свою дубинку.

После темного подвала — яркое сияние дня.

Мы вышли из подвала. Свет ослепляет нас. Вдохнули полной грудью свежий воздух. Но от утренней прохлады озябли.

Я закрываю глаза и, чтобы не упасть, прислоняюсь к стене. Полицай тут же бьет меня по голове. Я чувствую страшную боль. Борис подхватывает меня и уводит.

Пройдя несколько десятков метров, мы видим грузовик, двух немецких офицеров, оживленно беседующих около него, и нескольких власовцев.

— Значит, нас пока не расстреляют, — говорю я Борису. — Слышал, что полицай сказал? Отвезут, наверно, в трудовой лагерь. Может быть, в пути удастся напасть на охрану и бежать?

— Нет, Саша, пока нельзя. Мы ослабли и далеко не убежим.

Власовцы винтовками теснят нас к машине. Мы помогаем друг другу взобраться в кузов и садимся на полу у борта.

Несколько километров едем по шоссе, проезжаем пригороды Минска и направляемся к центру города.

Минск весь разрушен. Над руинами нависают тяжелые серые тучи. В обгоревших развалинах бродят сторбленные люди, что-то ищут среди обломков. Сердце опять защемило.

Грузовик остановился. Построились. Нас было тридцать человек. Дальше повели колонной. К вечеру добрались до эсэсовского лагеря на улице Широкой. На воротах надпись: «Трудовой лагерь». По дороге пять человек было расстреляно.

Лишь теперь я могу внимательно рассмотреть Бориса. Он рослый, широкоплечий, с грубоватыми чертами лица. Из его «подвальных» рассказов я узнал, что какое-то время он был возчиком, потом мясником, потом стал шахтером. Аристократическими его манеры никак не назовешь, но за его несколько напускной грубоватостью много душевной теплоты. Позднее я понял, что за резкостью Бориса скрывалась постоянная готовность прийти на помощь, всепоглощающее чувство сострадания к боли ближнего.

В минском лагере

В лагерном дворе нашу колонну направили на регистрацию к домику, находящемуся недалеко от ворот. Там размещалась канцелярия.

За перегородкой сидела молодая красивая женщина. Когда один из нас на вопрос о профессии ответил, что он транспортный инженер, женщина внимательно на него посмотрела, бросила быстрый взгляд на боковую дверь и тихо сказала:

— Лучше запишитесь разнорабочим.

Инженер только молча кивнул.

Я записался столяром, хотя столярным делом никогда не занимался. Остальные назвались чернорабочими.

Покончив с регистрацией, женщина вызвала капо (надсмотрщика) и велела ему отвести нас в бараки.

Забегу немного вперед и расскажу то, что мы узнали спустя некоторое время о «регистраторше» Софье Курляндской и капо Блятмане.

Когда гитлеровцы в 1941 году организовали этот лагерь, им понадобился человек, умеющий печатать на машинке по-русски и по-немецки.

Подпольный комитет минского гетто решил послать на эту работу Софью Курляндскую. Таким образом подпольщики получили возможность быть всегда информированными обо всем происходящем в лагере.

Софья Курляндская принимала активное участие в подготовке побегов. Осенью 1942 года по заданию подпольного комитета и отряда имени Фрунзе, входившего в состав барановичского партизанского соединения, она обеспечила необходимыми документами и переправила к партизанам две группы заключенных. В конце декабря того же года Софья вместе с капо Блятманом, который к тому времени также был заслан в лагерь с различными поручениями от подполья, организовала бегство коммуниста Голанда, который содержался в камере смертников. В лагерных списках отметили, что Голанд умер, а на деле он оказался в упомянутом партизанском отряде.

Был в лагере некто Капельянц, пользовавшийся безграничным доверием у начальника лагеря эсэсовца Лёкке, того самого Лёкке, который принимал активное участие в первой акции массового уничтожения в минском гетто 7 ноября 1941 года. Так вот, этот Капельянц нередко без особой охраны выезжал с группой заключенных в окрестные села для заготовки продуктов.

Софья решила воспользоваться и этой возможностью. С помощью Кастельянца из лагеря было вывезено немало военнопленных. А вскоре бежал и сам Кастельянц. Известно, что он добрался до партизанской бригады имени Чкалова и позднее героически погиб в бою с фашистскими оккупантами.

С помощью семнадцатилетней партизанской связной Тани Бойко (подпольное имя Наташа) Софье Курляндской удалось осуществить бегство С.Г. Ганзенко. Он стал командиром партизанского отряда имени Буденного, а позднее и бригады «25 лет Советской Белоруссии», выросшей из этого отряда...

Все это я узнал потом. А пока из канцелярии капо строем повел нас в баню. По дороге он спрашивал одного за другим, откуда мы доставлены, где и когда каждый попал в плен.

Понятно, что он внушал нам опасения, и мы старались не сболтнуть лишнего.

После бани (а вернее было бы назвать это обыкновенной дезинфекцией) мы вошли наконец в большой барак, разделенный проходом надвое. Во всю длину тянулись в два яруса четыре ряда нар. При входе капо окликнул старшего одного из отсеков и сказал:

— Бомка, вот этого, — он кивком головы указал на меня, — положишь рядом с собой.

Остальным Блятман велел занимать свободные места.

Распоряжение капо меня удивило. Зачем он приказал старшему положить меня рядом с собой? Может быть, чтобы тот за мной посматривал? Непохоже: у него пока не было для этого причин. Да и тон его был довольно добродушным.

Бомка (по-настоящему его звали Бенья) подвел меня к нарам, дал немного соломы для подстилки, угостил кусочком хлеба и остатками баланды. Все это показалось мне странным, но я промолчал.

Заключенных ежедневно посылают партиями на разные работы — разгружать и колоть дрова, копать траншеи и т. д. Есть в лагере несколько мастерских — швейная, обувная, столярная — для обслуживания лагерного начальства.

С работы заключенные возвращаются поздно вечером, усталые, совершенно выдохшиеся. Перед сном они выстраиваются в несколько длинных очередей, точно в затылок друг другу, и, отстояв, получают двести граммов хлеба. Иногда к такой очереди подходит помощник начальника лагеря, бывший белогвардеец Городецкий, который уже и сам не знает, как бы ему еще поизгалять-

ся над несчастными. Если очередь стоит не совсем ровно, он кладет на плечо переднего пистолет и стреляет вдоль ряда. Пуля попадает в того, кто где-то в конце или в середине колонны хоть немного отклонился в сторону. Так садист Городецкий «выравнивает» ряды.

Получив хлеб, лагерники расходятся по баракам и, придя в себя после пережитого ужаса, заводят негромкий разговор. Новоприбывших расспрашивают о положении на фронте. Я, увлекшись, с восторгом рассказываю о поражениях фашистов под Москвой. Капо сразу узнаёт об этом.

Когда я укладываюсь на нары, Бомка передает мне приказание капо несколько дней не выходить на работу.

— Утром возьмешь метлу и будешь подметать в бараке.

Еще одна загадка.

«Отлучение» от работы мне, по правде сказать, не по душе. Не дает покоя мысль о побеге, а для этого нужно сначала выбраться за колючую проволоку.

Спустя несколько дней я обращаюсь к Бомке:

— Послушай-ка, я уже чувствую себя неплохо. Поговори с Блятманом.

Вечером Бомка сообщает, что Блятман разрешил мне выйти на внелагерные работы.

— Будешь пока работать на даче эсэсовцев. Это за городом. Вас туда отвезут на грузовике. Но выбрось

из головы всякие мысли о побеге. На даче есть собаки, они сразу возьмут твой след. И вообще... Блятман, может быть, поговорит с тобой сам.

После этих Бомкиных слов загадки перестали быть загадками.

Через несколько дней капо имел со мной откровенный разговор. Стало совершенно ясно: «надзиратель» Блятман — активный участник антифашистского подполья... Во время беседы он предупредил меня:

— О побеге пока не думай. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Такое дело нужно подготовить, чтобы комар носа не подточил. Человек должен сперва перейти из списка живых в список умерших. Так что имей терпение. Придет и твой час.

Чтобы окончательно укрепиться в своей догадке, я спрашиваю:

— Герр Блятман, а с чего вы взяли, что я вообще собираюсь бежать?

— Какой я тебе «герр», к чертовой матери! — прищурился он. — С чего взял, спрашиваешь? Да это за версту видно. И советую тебе быть поосторожнее в разговорах. Это не значит, что надо сторониться людей. Но собирать вокруг себя слушателей и произносить агитационные речи нельзя. Разные есть люди. Если чув-

ствуешь, что человеку можно доверять, вызови его на откровенную беседу, а уж потом рискуй. Ведь ты отвечаешь не только за себя, а и за общее дело.

«Так вот ты какой человек», — с уважением подумал я.

— И еще кое-что хочу сказать тебе, — продолжал Блятман. — Через несколько дней перейдешь ночевать в столярную мастерскую. Насколько возможно, избегай встреч с Городецким. А если спросит о чем, скажи, что я тебя туда перевел. В работе тебе будет помогать Лейтман, польский коммунист. При Пилсудском он много лет отсидел в тюрьме. Лейтман тоже ночует в мастерской. Когда ты мне понадобишься, разыщу.

Ночью я снова и снова вспоминал наш разговор. Я был в восторге от того, как осторожно и в то же время смело и решительно этот человек ведет свою опасную работу.

Прошло еще несколько дней, но в столярную мастерскую меня всё не переводили. Я понимал, что у Блятмана есть важные причины, мешающие ему это сделать, и продолжал работать на даче эсэсовцев.

Как-то ночью задул холодный ветер, под утро полил ливень. Мы вышли из барака и стали в сторонке, ожи-

дая обещанный грузовик. Минут через двадцать явился конвой и повел нас пешком. Ливень становился все сильнее и сильнее, хлестал то в спину, то в лицо. Мы промокли насквозь.

Когда пришли на место, нам даже не дали передохнуть, а заставили тут же, под дождем, приступить к работе.

Мы должны были окружить какой-то дом забором из бревен, метра в четыре высотой, и по углам построить защитные бункеры. Несколько раз в течение дня к нам выходил офицер, руководивший работой, а за ним шли две огромные овчарки. Мне вспомнились Бомкины предостережения.

Дня через три Блятман перевел меня во вторую команду, которая работала в офицерском лазарете на улице Максима Горького.

В первый же день я познакомился с лейтманом. Он подошел ко мне и просто сказал:

— Давайте дружить. В столярке будем работать вместе. И питаться тоже вместе — чем бог пошлет.

Пришлось честно признаться:

— Я не столяр.

— Неважно. Понемногу присмотритесь. А если войдет кто-нибудь из гитлеровцев, начнете точить инструмент.

Мы сразу подружились.

Каждого пятого...

Однажды утром мы узнали о новом преступном убийстве. Гуляя ночью по лагерю со своей любовницей, эсэсовец Вакс, второй помощник Лёкке, увидел вышедшего из барака во двор, должно быть по нужде, заключенного. Желая похвастаться перед женщиной своей меткостью, Вакс поднял автомат и короткой очередью прошил человека. Все мы были потрясены.

В другой раз, вернувшись с работы, Борис Цыбульский принес еще более страшную весть. Двое заключенных из группы, в которой он работал, бежали. Остальных сорок человек охранники выстроили в одну шеренгу и каждого пятого расстреляли.

Борис рассказывал:

— Понимаешь, Саша, я был четвертым. Я все видел. И у меня все время стоит перед глазами сосед справа. Их по одному подводили к яме, которую они сами выкопали, и стреляли им в затылок.

Борис дрожал. Я долго не мог его успокоить. И когда я узнал, что Блятман распорядился на несколько дней положить Цыбульского в медицинский изолятор, меня это не удивило. Впоследствии Цыбульского перевели в другую команду.

Постепенно я подружился со многими лагерниками. Первыми моими друзьями стали Борис Эстрин и Лейба Срогович — оба из Ростова, мои земляки. Со Сроговичем еще в начале тридцатых годов мы вместе служили в Красной Армии. Подружился я с Семеном Розенфельдом и Аркадием Вайспапиром. Блятман и для них сделал все, что мог. Когда у Семена воспалилась фронтальная рана, капо устроил его в изоляторе, и один минский доктор поставил Розенфельда на ноги. Часто встречался я с Александром Шубаевым из дагестанского города Хасавюрта. До войны он закончил в Ростове институт железнодорожного транспорта. Это был жизнерадостный, никогда не падавший духом человек. Он очень любил петь и в шутку сам себя называл «Калимали». Что такое «калимали», никто не знал, но у всех это вызывало улыбку.

Аркадию и Семену часто удавалось пронести в лагерь листовки, которые печатали минские подпольщики. Эти листовки наши ребята доставали у вольнонаемных рабочих. Пламенное слово листовок придавало нам мужества, укрепляло в нас веру и надежду.

Пришел февраль 1943 года. Гитлеровцы ходили по лагерю хмурые; как свирепые звери, придирались к малейшим пустякам, набрасывались на заключенных и забива-

ли их до смерти. Однажды нам не выдали ежедневную пайку хлеба. Потом мы узнали, что в Германии был объявлен трехдневный траур по поводу поражения под Сталинградом.

— Дай-то бог, — говорили лагерники, — чтобы нам почаще не выдавали хлеб по таким причинам.

...Во дворе, где работали человек пятьдесят, в том числе Аркадий Вайспапир и Борис Цыбульский, находился склад оружия. Несколько пленных через соседнее строение залезли на чердак склада, пробили в потолке дыру и вынесли оттуда много винтовок и патронов, которые потом спрятали в разрушенном доме.

Они уже было договорились с одним шофером, что тот вывезет их вместе с оружием в лес, к партизанам. Но в последний момент операция провалилась. Осталось неясным: то ли шофер предал, то ли гитлеровцы сами напали на след.

Борису и Аркадию повезло: в тот день их отправили на другую работу. Гитлеровцы оцепили двор, загнали лагерников в котлован и натравили на них собак. Многие там же были убиты. Тех, кто остался жив, истерзанными, окровавленными прогнали через весь город к лагерю. Это было только началом злодейской экзекуции. Во время допроса, который вел комендант Лёкке вместе

со своими помощниками Ваксом и Городецким, людей раздели донага, бросили в яму с кипятком, потом вытащили их оттуда и облили ледяной водой. С каждым из них это проделали по несколько раз, пока несчастные не умерли.

Среди замученных был один из моих близких лагерных друзей — Борис Каган из Тулы.

По соседству со складским двором работала еще одна группа заключенных, изолированная от первой. Во второй группе находился инженер Аркадий Орлов, киевлянин. Когда приносили баланду, Аркадий вставал на подоконник и, махая рукой, звал первую группу. Так случилось и в тот день, когда замыслился побег. Один из немецких офицеров увидел Аркадия и решил, что он подает кому-то тайные сигналы. Аркадий тоже заметил офицера и понял, что даром ему это не пройдет.

Узнав о произошедшем, Блятман сразу положил Аркадия в лагерную больницу, чтобы через несколько дней, если будет возможность, переправить его к партизанам. Но было поздно: Аркадия уже искали и, обнаружив в больнице, сильно избили. Когда он потерял сознание, на него вылили несколько ведер воды и заперли в холодном карцере. Там он и умер.

...Воскресный июньский день. Блятман приказал всем работающим в эсэсовском лазарете построиться у барака. Есть срочная работа. Должен был пойти и Лейтман, но, поскольку тот свалился в жару, Блятман велел мне заменить его.

Выяснилось, что ночью в лазарет привезли несколько раненых и одиннадцать убитых эсэсовцев — результат удачной операции минских партизан.

Надзиратель по прозвищу Рыба распорядился немедленно сколотить одиннадцать гробов, положить в них эсэсовцев и забить крышки. Все нужно было сделать к трем часам, когда придут грузовики, чтобы забрать гробы на кладбище.

Мы работали с великим усердием и думали: хоть бы почаще попадалась такая работенка...

Потом мы узнали, что это были еще не все убитые.

Тела нескольких старших офицеров отвезли на квартиры, где они стояли.

В последние дни августа Блятман передал через Лейтмана, что мы должны подготовиться к уходу в лес. Как только у Софьи Курляндской появится возможность вычеркнуть нас из лагерных списков, мы выедем из лагеря якобы для заготовки дров...

Но нам суждено было нечто совсем иное. Через несколько дней в лагере появились гестаповцы. Они вошли к коменданту, потом послали за Блятманом. Через несколько минут его вывели из комендатуры со связанными руками и втолкнули в машину.

Мы знали: это конец. Фашисты его не пощадят.

Без Блятмана мы почувствовали себя одинокими и беспомощными...

В середине сентября 1943 года в течение трех дней никого на работу не выводили. 18 сентября в 4 часа утра, еще было совсем темно, с нар подняли всех евреев и приказали им выйти из барачков со своими узлами в руках; потом велели выстроиться в очередь за получением «пайка на дорогу» — 300 граммов хлеба. Двор был заполнен людьми, но стояла полная тишина. Дети в страхе жались к матерям. В то утро никого не пороли, не обливали кипятком, не травили собаками.

Комендант Вакс, играя своей плеткой, обратился к собравшимся с такой речью:

— Вам повезло! Сейчас вас отведут на вокзал. Вы едете в Германию. Фюрер дарует вам жизнь. Будете работать в Германии как квалифицированные специалисты и своим честным трудом оправдаете свое существо-

вание. Вместе с вами едут ваши семьи. Можете взять с собою лучшие вещи.

К лагерю подкатили грузовые машины, погрузили на них женщин и детей и повезли на вокзал. Мужчин построили в колонну и под конвоем эсэсовцев с собаками повели пешком.

Когда колонна проходила мимо гетто, жители его, сами изголодавшиеся, живые скелеты, стали бросать через колючую проволоку хлеб, картофель, свеклу, морковь, головки капусты.

Из гетто доносились слова прощания, плач и отчаянные выкрики:

— Вас ведут на смерть! Вы слышите? На смерть.

Вдали от вокзала, в поле, стоял эшелон из двадцати пяти товарных вагонов. В каждый вагон загружали по семьдесят человек — мужчин, женщин, детей. В вагонах — ни нар, ни скамеек. Чтобы прилечь, и речи не могло быть. Стояли стиснутые со всех сторон. Двери заперты. Окна затянuty колючей проволокой.

Так ехали мы четверо суток, не зная куда. За все время, что были в пути, нам не дали ни крошки хлеба, ни капли воды. Не выпускали из вагона для отправления естественных нужд.

Возле меня стояла молодая женщина с трехлетней девочкой на руках. Эту девочку я несколько дней тому назад заметил еще в лагере на Широкой. Золотоголовая, с синими глазами и ровненькими, словно выточенными, зубками. Кто-то сказал, что эту девочку зовут Этеле, она из гетто. Ее отец военврач, а мать — студентка Политехнического института.

— Как тебя зовут? — обратился я к малышке.

— Этеле.

— Иди ко мне. Маме ведь трудно держать тебя на руках.

Девочка протянула свои худые ручки и перешла ко мне на руки, обхватила меня за шею и сразу же задремала. Я покачивался в такт с качающимся вагоном. И каждый раз, когда мать Этеле хотела взять у меня ребенка, я отрицательно мотал головой:

— Нет, я не устал.

Головка Этеле грела мою грудь, и мне казалось, что я чувствую тепло моей единственной дочурки Элочки, одногодки этой девочки.

Ребенок проснулся и стал оглядываться.

— Я здесь, возле тебя, — успокоила ее мать.

— Мама, мне жарко. Я хочу домой.

— А где твой дом? — спросил я.

— В гетто. Там у нас нары и много-много тряпок.

Я дал девочке вареную картофелину и напиток из своей фляги, которую мне удалось спрятать под рубашкой.

От меня Этеле перешла на руки к Шлойме Лейтману. Затем к портному Борису Эстрину, потом к экономисту Лейбе Сроговичу, который сам еле держался на ногах, от него к Александру Шубаеву-Калимали, а затем и к Борису Цыбульскому.

— Дядя, возьмите ненадолго ребенка на руки, — обратился Цыбульский к стоящему с ним рядом бывшему майору Пинкевичу.

— Я сам еле держусь на ногах.

— Все мы еле держимся на ногах. Как раз вы и не должны отказаться.

Пинкевич понял намек Цыбульского.

На пятые сутки, 22 сентября 1943 года, к вечеру, эшелон прибыл на заброшенный полустанок. Большими черными буквами по белому было написано «Собибор». С одной стороны станции простирался лес, с другой — находился лагерь, обнесенный трехметровым забором из колючей проволоки в три ряда. Из проволочного ограждения кое-где торчали ветки деревьев.

Эшелон перевели на запасной путь. Нам принесли воду — первый раз за пять суток. Пищу все еще не давали. На ночь опять заперли все вагоны.

23 сентября в 9 часов утра паровоз медленно подал эшелон к воротам лагеря, на котором была вывеска с надписью «Зондеркоманда».

Фабрика смерти

Раздался свисток паровоза, и ворота широко распахнулись. Когда последние вагоны вкатились на территорию лагеря, паровоз отцепили и отогнали назад и охранник закрыл ворота.

Из дома, находящегося недалеко от ворот, вышла группа немецких офицеров, человек десять-одиннадцать, с нагайками в руках. Во главе группы — рослый, полный немец, видимо старший. Последний что-то сказал охраннику, и тот куда-то побежал. Через несколько минут он вернулся, приведя с собой несколько парней в какой-то особой форме, и доложил:

— Господин обершарфюрер! Бангоф-команда готова.

Чем занимается бангоф-команда, нетрудно было догадаться по орудиям, которые они держали в руках. Это

были ведра, метлы, щетки. Но смотрелись эти ребята непостижимо: как на подбор семнадцати-восемнадцати лет, в желтых польских конфедератках, новеньких, только что из-под иголки костюмах, брюки с желтыми кантами, темные кители с цветными лацканами, да еще в белых перчатках. На лицах никаких признаков голодания. И все как один — красавцы. Как будто их отобрали из сотни тысяч.

Лейтман шепнул мне:

— Как тебе нравится спектакль? Если бы не тоска в их глазах, можно было бы подумать, что мы попали прямо в рай.

Этот же самый обершарфюрер по фамилии Гомерский, бывший боксер из Берлина (Цыбульский сразу же его прозвал «обер-ангел смерти»), приблизился к нам, остановился, широко расставив ноги, на минутку вперил в нас свои острые глаза и скомандовал:

— Столяры и плотники, бессемейные вперед!

Вышло человек восемьдесят, большей частью военнопленные. Среди них — я, Лейтман, Розенфельд, Вайспир, Литвиновский, Цыбульский, Шубаев. Нас отвели на другую территорию, тоже отгороженную колючей проволокой. Лагерники здесь носили и складывали бревна. Розенфельд обратился к ним, но никто не ответил ни на приветствие, ни на вопросы.

К нам подошел человек с опухшим лицом и жестом показал, чтобы мы повернулись спиной к эшелону. Сколько ни просили, чтобы он нам сказал, хотя бы куда мы прибыли, он только покачивал головой.

Кто-то из наших выругался, другой заметил, что с этими людьми говорить все равно что со стенкой. Третий спросил, не отрезаны ли языки у этих людей. Человек развернулся и отошел в сторону.

Вдруг мы почувствовали, что стало трудно дышать. Более чем на полкилометра расстился черный густой дым. В воздухе появились языки пламени, поднялся страшный шум. Гоготали сотни гусей.

Потом нас отправили в барак. Там мы разместились на голых двухэтажных нарах.

Остальные люди из эшелона остались по ту сторону проволочного ограждения, и больше мы их не видели.

Был теплый солнечный день. Я и еще несколько человек из нашего барака вышли во двор, расселись на колодах, наваленных там. Каждый вспоминал свой дом, родных и близких. Я из Ростова. О семье ничего не знаю, но уверен, что они эвакуировались. Шлойме Лейтман из Варшавы. Когда немцы напали на Совет-

ский Союз, жена его и дети находились в Минске. Они не успели эвакуироваться и погибли в гетто.

К нам подсел невысокий, плотный еврей лет сорока. Он только что вернулся с работы на другой территории.

— Откуда вы? — обратился он ко мне по-еврейски.

Лейтман объяснил ему, что я не понимаю по-еврейски, так как рос и воспитывался в нееврейской среде. Дальше разговор продолжался с помощью Лейтмана. В это время мы заметили, как на северо-западе от нас поднимаются в небо и уносятся вдаль густые клубы дыма. В воздухе распространился запах гари.

— Что там горит? — спросил я.

— Не спрашивайте, — ответил Борух, так звали нашего нового знакомого, — там сжигают тела ваших товарищей, которые прибыли с вами.

У меня потемнело в глазах. А Борух продолжил:

— Вы не первые и не последние. День через день сюда прибывают эшелоны по две тысячи человек каждый. А лагерь существует уже около полутора лет. Подсчитать сами можете. Сюда поступали евреи из Польши, Чехословакии, Франции, Голландии. Но из Советской России впервые вижу.

Борух был старый лагерник, один из немногих, кто находился здесь уже в течение года. Его работа заклю-

чалась в сортировке вещей, снятых с убитых. Он много знал, и от него нам стало известно, куда исчезают наши товарищи и как это делается.

Простыми словами, как будто речь идет об обыденных вещах, он рассказывал, и мы, только что прибывшие сюда, но уже достаточно пережившие, слушали его с содроганием.

— Лагерь в Собиборе построили по специальному приказу Гимmlера, — начал свой рассказ Борух. — Он начал функционировать 12 мая 1942 года. Проект подготовил эсэсовский инженер Томолс. Руководили строительством главный инспектор лагерей смерти Гольцаймер и инженер Мозер. Сам Гимmlер посетил лагерь в июле 1943 года. После его посещения стали сжигать тысячи человек в день.

Эта «фабрика смерти» находится между Влодавой и Хелмом. Она окружена четырьмя рядами проволочных заграждений, высотой в три метра. За проволочными заграждениями находится заминированное поле шириной в пятнадцать метров и ров, заполненный водой. В самом лагере много сторожевых вышек и охранных постов.

В первом лагере, куда нас отсортировали, расположены мастерские: сапожные, портняжные, столяр-

ные. Здесь же находятся два дома для немецких офицеров.

Как только вас отделили и привели сюда, остальных увели во второй лагерь. Вам повезло. Обычно туда направляют всех прибывших, никого не оставляют.

Из первого лагеря имеется проход во второй лагерь, куда гонят основную массу прибывших лагерников. Там им приказывают положить привезенные с собою узлы и раздеться, чтобы идти в «баню». У женщин отрезают волосы. Все делается тихо и быстро. Потом происходит сортировка и упаковка их вещей.

А людей отправляют в третий лагерь, в так называемую «небесную дорогу». В третьем лагере истребили уже около полумиллиона евреев.

Женщины идут вместе с детьми в одних нижних рубахах. За ними, на расстоянии ста шагов, под усиленной охраной, идут совершенно голые мужчины. Вот там, недалеко от места, откуда виден дым, и находится «баня».

Там имеются два здания: одно для женщин и детей, второе — для мужчин. Внутреннее устройство этих помещений я сам не видел, но рассказывали, кто знает. На первый взгляд, там устроено все так, как положено быть в бане: краны для горячей и холодной воды, бочки

для мытья... Как только люди входят в «баню», за ними немедленно запирают двери и сверху начинают спускаться густые, темные клубы дыма. Раздаются душераздирающие крики. Но продолжается это недолго. Вскоре крики переходят в клочкотание, хрип, люди, задыхаясь, корчатся в предсмертных судорогах. Матери собственным телом пытаются прикрыть детей. «Банщик» следит через маленькое окошечко в потолке за ходом «процедуры». Пятнадцать минут — и все кончено. Тогда открывается пол и мертвые тела вываливаются в вагонетки, заранее подготовленные в подвальном помещении «бани». Нагруженные вагонетки выкатывают из подвала. Все делается быстро и организованно, по последнему слову немецкой техники. Тела складывают в определенном порядке, обливают горючей жидкостью и поджигают. Если не завтра, то через неделю или месяц...

В начале весны муж и жена пытались бежать. Их расстреляли, и вместе с ними было расстреляно еще сто пятьдесят человек, работавших в том же лагере.

Была неудачная попытка прорыть подземный ход.

Был случай, когда два коммуниста, работавших в ближайшем лесу с группой лагерников, задушили охранника и бежали. Всех остальных из той группы доставили из леса и расстреляли.

Свыше семидесяти евреев из Голландии решили подкупить охранника. Руководителем этой группы был журналист, которого они звали «Господин капитан». Сколько немцы ни пытали его, он никого не выдал и до последней минуты говорил, что собирался бежать один. С того времени стали три раза в день пересчитывать лагерников, и делает это не кто-нибудь, а сам начальник лагеря обершарфюрер Френцель.

Рассказав это все, Борух ушел, добавив, что сам он мужской портной, работает во втором лагере уже больше года.

В ту ночь нам не спалось. А когда уснули, я во сне так кричал, что лежавшие рядом со мной Цыбульский и Лейтман проснулись и разбудили меня. Борис закрыл мне рот рукой и шепнул:

— Замолчи, ты так кричишь, что может услышать обер-ангел смерти Френцель.

Я его оттолкнул:

— Ну и лапа у тебя, можешь и лошадь задушить.

— Я таки был когда-то возчиком и, кажется, единственным, кто обходился без кнута. Теперь прошу тебя, не тяни долго, только распорядись — и ты увидишь, как я их задушу.

Я его перебил:

— Не болтай и усни.

Борис уснул, а мы с Лейтманом продолжали потихоньку разговаривать.

— Саша, что же будет? Борух намекнул, что вся надежда на коммунистов, на советских людей и чтобы не думали только о себе. Если бежать — так всем вместе.

— Да, Шлойме, и я так думаю...

Приведу рассказ варшавского парикмахера Бара Файнберга, проработавшего в Собиборе семнадцать месяцев. Этот рассказ был записан мною в 1944 году, когда я уже находился на свободе, и он дополняет картину ужасов, царивших в лагере смерти.

«Я работал во втором лагере, где находятся склады, — рассказывает Файнберг. — Сейчас же, как осужденные на смерть раздевались, их вещи относили туда: отдельно обувь, верхнюю одежду и т. д. Там их сортировали и упаковывали. Ежедневно из Собибора отправляли десять вагонов, груженных одеждой, обувью, мешками женских волос. Документы, фотографии и другие бумаги, а также малоценные вещи мы сжигали. Когда никто за нами не следил, мы бросали в костер и деньги, и драгоценности, обнаруженные в карманах одежды, чтобы немцам они не достались.

Во втором лагере построили три барака специально для женщин. В первом бараке они снимали обувь, во втором — одежду, в третьем им стригли волосы. Меня назначили в третий барак парикмахером, нас было двадцать человек. Мы стригли и складывали волосы в мешки. Немцы говорили женщинам, что это делается в целях гигиены.

Многое мне довелось видеть в этом лагере. В июне 1943 года из Белостока прибыл эшелон, битком набитый голыми людьми. Видимо, немцы решили для себя, что в таком виде пленные не побегут. Живые и мертвые вперемишку. В дороге им не давали ни пищи, ни воды. Когда человек был очень слабым, но еще в сознании, еще дышал, — его уже обливали хлорной известью. Чего только не творили эсэсовцы в лагере! Топтали маленьких детей своими сапогами, разможжали им черепа, на беззащитных натравливали собак, которые рвали куски мяса из живых людей. На территорию третьего лагеря нас не пускали, но мы знали, что там происходит.

Однажды был такой случай. Машина, подающая газ в “баню”, неожиданно испортилась, как раз тогда, когда там находились люди. Несчастные взломали двери и стали разбегаться, часть бежавших расстреляли во дворе, остальных загнали обратно в “баню”. Механик исправил машину, и все пошло своим порядком.

Восемнадцатилетняя девушка из Влашима, идя на смерть, крикнула на весь лагерь:

— Вам за все это отомстят! Советы придут и с вами, бандитами, рассчитаются беспощадно.

Ее забили насмерть прикладами.

Еврейский парень из Голландии, сортируя вещи, однажды узнал одежду своих родных. Он выбежал во двор и там, в огромной толпе людей, которых вели на смерть, увидел всю свою семью.

В северном лагере, где мы находились, работы осталось примерно на один месяц.

...В тот день фашисты взяли пятнадцать человек и высыпали по двадцать пять розог, при этом подвергавшийся порке должен был сам считать удары. Если кто ошибался, сбиваясь со счета, порка для него начиналась сначала.

На второй день такой же экзекуции подверглись двадцать пять человек.

Один из ребят сказал мне со слезами на глазах:

— Не знаю, кто счастливей: те ли, — он показал глазами на третий сектор, — для которых все заканчивается через несколько десятков минут, или мы, которые на пути к смерти должны вытерпеть столько страданий...»

Да... Столько лет прошло, а помнится каждый день...

25 сентября

Получено срочное задание — выгрузить уголь. На «обед» нам дали считанные минуты. Френцель все время стоял около повара и подгонял его палкой, чтобы тот скорее разливал в миски баланду. Увидев, что несколько сот человек еще не получили так называемый суп, Френцель разозлился, выгнал повара во двор и заставил его сесть на землю, поджав под себя ноги и вытянув руки. Затем, насвистывая какой-то марш, Френцель принялся ритмично наносить удары палкой парню по голове. Кровь заливала лицо повара, но, боясь громко вскрикнуть, он только тихо стонал. Все мы видели это зверское избиение, но вмешаться не смели.

Несмотря на голод, постоянно мучивший нас, многие в тот день не смогли съесть свою порцию: казалось, она смешана с кровью нашего товарища...

26 сентября

Утром, получив по кружке кипятка, мы, сорок заключенных, отправились в лес рубить дрова. Работа шла трудно. Голодные, измученные... не у всех хватало сил колоть суковатые чурбаки.

Френцель расхаживал вокруг, помахивал плеткой и подгонял:

— Шнель! Шнель!

Вот он подкрался к рослому голландцу в очках. Тот на мгновение отложил топор, чтобы протереть очки, — и тут же над его головой свистнула плетка, очки упали и разбились. А что он мог без очков? Вслепую, почти ничего не видя, он стал колотить топором по чурбаку.

Френцель еще раз стегнул его кнутом. Голландец застонал, но даже не оглянулся. А садист, пьянея от наслаждения, продолжал его истязать.

Я стоял метрах в пяти от них и видел все происходящее. На какое-то мгновение я даже опустил топор. Френцель тут же заметил это и подозвал меня:

— Ком!*

Делать нечего, пришлось подойти. Я хотел одного: чтобы этот выродок видел, что я его не боюсь. Я выдержал его наглый, издевательский взгляд. Он грубо оттолкнул голландца и произнес на ломаном русском языке:

— Русский солдат! Я вижу, тебе не нравится, как я наказываю этого лентяя. Так вот, даю пять минут, чтобы ты расколол этот чурбак. Если расколешь — дам

* Подойди! (нем.)

пачку сигарет. Если опоздаешь хоть на мгновение — получишь двадцать пять ударов.

Он ядовито ухмыльнулся, отступил на несколько шагов, снял с руки золотые часы и взглянул на них.

Пока он все это проделывал, я успел внимательно осмотреть чурбак, чтобы понять, с какой стороны мне будет удобнее колоть его. С каким удовольствием я опустил бы сейчас топор на голову убийцы!

— Начинай!

Чурбак весь в сучках, узловатый, твердый. Я напрягаю последние силы. Удар, еще и еще удар! Чурбак расщедается надвое. Остальное дается мне уже значительно легче.

Хотя день был холодный, я весь покрылся потом. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, ломило руки и поясницу.

Подняв голову, я увидел, что Френцель подает мне пачку сигарет.

— Четыре с половиной минуты, — сказал он, надевая часы. — Я обещал, получай.

Но я не мог заставить себя принять подачку из его рук. Разум подсказывал: «Возьми, не то восстановишь Френцеля против себя, а это может отразиться на деле, которое ты задумал». Но сердце говорило: «Нет! Эти руки только что истязали твоего товарища!»

— Благодарю, не курю, — ответил я.

Френцель ушел куда-то и вернулся минут через двадцать. Теперь он держал полбуханки хлеба и кусок маргарина.

— Русский солдат, бери!

Я вновь увидел его злые холодные глаза, его кривую усмешку, не обещавшую ничего хорошего.

Никогда дьявол еще не искушал меня так, как сейчас, когда я смотрел на этот хлеб и маргарин. Как хотелось есть! Но...

— Очень благодарен. Питания, которое я здесь получаю, мне вполне хватает.

Френцель уловил иронию, прозвучавшую в моих словах. Усмешка сползла с его сытого лица. Он задумчиво и в то же время с угрозой переспросил:

— Значит, не хочешь?

— Благодарю, я сыт.

Френцель судорожно сжал в руке плетку, но что-то удерживало его от того, чтобы ударить меня, как он это делал обычно раз по сто в день. Он стиснул зубы, резко повернулся и ушел.

Когда он скрылся из виду, ребята подбежали ко мне:

— Почему не взял?

— Ведь он тебя избить мог!

— Что избить! Убить!

— Ты бы и сам поел, и нас бы не обделил — дал бы по шматку...

Но другие говорили:

— Ты правильно сделал!

Я смотрел на моих товарищей, и сердце разрывалось на части. Хотелось сказать им: «Держитесь, ребята! Выше головы! Пусть враги чувствуют, что мы остаемся людьми».

Но они и так понимали меня. Без слов.

27 сентября

Прибыл очередной эшелон. Мы работали в северном лагере, немцы занимались новой партией лагерников, и наблюдение за нами было ослаблено. С лопатами в руках мы стояли и смотрели, что происходило в том лагере, где находилась «баня». Тишина, никакого движения. Вдруг раздался душераздирающий крик женщины, множества женщин, плач детей, крики «мама!». Скоро голоса людей смешались с гоготанием, всполошившихся гусей. Впоследствии мы узнали, что в том лагере держали триста гусей и во время работы «бани», их гоняли, чтобы своим гоготом гуси заглушали истошные крики людей.

Я стоял как парализованный. Испытывал ужас от беспомощности. Первый вывод — надо на что-то решиться.

Ко мне подошли Шлойме Лейтман и Борис Цыбульский, бледные, подавленные. Цыбульский сказал:

— Саша! Надо бежать отсюда. До леса двести метров. Немцы заняты. Охрану у ограды уложим топорами.

Я ответил:

— Нам, может, удастся бежать. А что будет с остальными? Их сразу расстреляют. Если бежать — то всем сразу. Чтобы здесь никого не осталось. Часть, безусловно, погибнет, но кто спасется — будет мстить.

— Ты прав, — согласился Цыбульский, — но откладывать надолго нельзя. Дело идет к зиме. На снегу остаются следы, и вообще зимой труднее находиться в лесу.

— Если вы мне доверяете, — сказал я, — ждите и молчите. Никому ни слова. Наступит время — скажу, что нужно делать.

Со многими из теперешних собиборовцев я был тесно связан еще по минскому лагерю. Особенно близко подружился я со Шлойме Лейтманом. Он мебельщик из Варшавы, коммунист, несколько лет сидел в польских тюрьмах. После нападения гитлеровской Германии на Польшу в 1939 году переехал в Минск. Невысо-

кий, худой, с глубоко посаженными глазами. Обладал острым и подвижным умом и невероятной внутренней энергией. Имел прекрасный подход к людям и мог влиять на них своим словом. В трудные минуты люди обращались за советом к нему.

В прошлом мы вместе уже обдумывали побег, чтобы найти дорогу к партизанам. Теперь же речь шла о массовом бегстве. Это более ответственно. Надо было все хорошо продумать и осторожно подготовить.

Прибытие советских военнопленных в Собибор вызвало у лагерников большой интерес. Здесь знали, что где-то идут бои с фашистами. И вот прибыли люди, правда, давно уже оторванные от фронтовых событий, но все-таки они принесли с собою их дыхание, боевой опыт. На нас смотрели с любопытством и надеждой, прислушивались к каждому нашему слову, понимали, что среди нас должны быть люди, которые смогут взять на себя инициативу действий.

Из бесед со старыми лагерниками и из моих собственных наблюдений я составил себе общее представление о внутреннем устройстве лагерей. Узнал, где находится оружейный склад, гараж, где размещены офицеры. Но меня интересовало главное: что предпринять, чтобы спастись.

28 сентября

Во время обеда к Шлойме Лейтману подошел Борух.

— Здравствуйте, как работается?

— Понемножку — как часы. Заводят, и они идут.

Вот свисток на обед, надо готовиться.

— Подождите, мне надо поговорить с вашим товарищем.

— С кем именно?

— С тем, что не понимает по-еврейски. Приходите с ним вечером в женский барак.

— Чего это в женский?

— Красивый парень. Почему не провести немного времени с женщинами?

Раздался второй свисток, и мы разошлись по местам.

На работе Шлойме шепнул мне, чтобы я вслед за ним попросился в уборную. Я так и сделал. Там он мне передал разговор с Борухом.

— Девушки хотят с тобой познакомиться, — сказал мне Шлойме.

— А ну их к чертям.

— А я думаю, что нужно. Не зря он приходил и говорил об этом.

— Кто он?

— Говорят, портной, его зовут Борух.

— Хорошо, пойдем вместе.

Я понял, что под предлогом ухаживания за какой-нибудь девушкой можно будет держать с ним связь, не вызывая подозрений...

Вечером мы отправились в женский барак. Сто пятьдесят еврейских женщин и девушек из разных стран находились здесь. Как только мы вошли, нас окружили со всех сторон. На наше приветствие нам ответили по-русски и по-польски, по-чешски и по-румынски, на немецком языке, на французском, на голландском.

Всего несколько часов назад отсюда забрали в третий лагерь тех, кто уже не в состоянии сортировать и упаковывать одежду. Но кто из оставшихся в этом бараке женщин мог быть уверен, что завтра и с ней не случится что-либо, и тогда одна дорога: Иммельштрассе*.

Посыпались вопросы о Советском Союзе, о фронте, когда закончится война, кто победит?

Я оглядывал их всех. Думал, с чего начать. Мой взгляд упал на молодую, невысокую девушку с коротко стриженными каштановыми волосами и большими грустными глазами. Я подошел к ней, она отодвинулась, освободила возле себя место, приглашая сесть.

* Дорога в небеса (нем.).

— Как вас зовут? — спросил я ее по-русски.

— Вас?* — откликнулась она.

Я немного знаю немецкий и повторил свой вопрос.

Она ответила:

— Люка. — И добавила: — Расскажите, что делается на фронте. Вся надежда на вас.

Я говорил по-русски. Шлойме переводил на идиш, а другие — на прочие языки.

— Немцев разбили под Москвой, Сталинградом, Курском, рассказывал я. — Советские дивизии приближаются к Днепру. В тылу у немцев, в Белоруссии, на Украине, в Польше действуют партизанские отряды, в Варшавском гетто было восстание.

Правда, я был мало осведомлен, но те, кто слушали, знали еще меньше. Прозвучал вопрос:

— Если так много партизан, почему они не нападают на наш лагерь и не освобождают нас? Тут ведь до леса рукой подать...

— Не забывайте, — сказал я, — что немецкая армия еще сильна. У партизан свои задачи — бить фашистов. Вывести столько людей из оккупированных районов партизаны не могут. О себе мы сами должны позаботиться...

* Что? (нем.)

Оказалось, что последние слова слышали не только женщины, но и капо Бжецкий, который несколько минут назад незаметно вошел в барак.

29 сентября

В 6 часов утра собрали нас всех, сколько было в лагере, — шестьсот человек мужчин и женщин, построили в колонну и повели к внутрилагерной железнодорожной ветке. Там стояло восемь больших платформ, груженных кирпичом. Было приказание выгрузить кирпич. Каждый берет шесть-восемь штук и бегом относит их на расстояние в двести метров, там складывает и снова бежит за кирпичом. За малейшую неповоротливость стегали кнутом. Все делалось в спешке, в толкотне. На каждую платформу поставили по 70—75 лагерников. Мы наступали друг другу на ноги, толкались. Если не поймаешь брошенный с платформы кирпич, получишь двадцать пять розог.

Задержался на минуту — тоже пороли. В воздухе стоял свист от хлыстов, бьющих по людям. Все вспотели, тяжело дышали, глаза устремлены в одну точку — на кирпич: получить, отнести и положить.

Через пятьдесят минут все восемь платформ были разгружены. По окончании работы нас построили в ко-

лонну и увели. Немцы спешили, ожидался эшелон с новыми жертвами.

2 октября

Восемьдесят человек отправили в северный лагерь. Здесь нас разбили на две группы. Сорок человек поставили на рубку дров, остальные, в том числе я и Шлойме, работали в бараке. Вскоре с рубки к нам подошел один лагерник и заявил:

— Саша, мы решили бежать, и немедленно.

— Как? Кто сказал?

— Мы договорились. Здесь осталось всего пять охранников. Мы их перебьем и прорвемся в лес.

Такой легкомысленный шаг мог бы очень навредить. Я старался доказать парню, почему нельзя это делать.

— Легко сказать. Охранники ведь не стоят все вместе. Одного убьете, а второй откроет стрельбу. А чем вы перережете проволоку? А как вы пройдете минное поле? Достаточно, чтобы вы задержались на несколько минут, и немцы могут принять необходимые меры. Может быть, кому-нибудь из вас и удастся прорваться, но что будет с теми, кто работает в бараках? Они ничего не зна-

ют, и их безусловно расстреляют. Вы говорите, что сейчас легко бежать. Я не уверен, что это так легко. Полагаю, что при хорошей подготовке можно сделать больше даже в более сложной обстановке, чем необдуманно при относительно легких условиях. Делайте что хотите, я вам мешать не буду, но я с вами не пойду.

Видимо, мои слова повлияли. Все опять взялись за работу.

Вечером я встретился с Борухом. Он начал с того, что мои слова в женском бараке «о себе мы сами должны позаботиться» произвели сильное впечатление. Все поняли мою мысль. Но в тот момент в барак вошел высокий худой капо Бжецкий. Всегда у него прижмурен один глаз.

Борух забеспокоился:

— Это нехороший человек. Его надо остерегаться.

— А у меня нет причин остерегаться. Я ничего не собираюсь делать, кроме того, что мне приказывают.

— Я понимаю. Вы должны так ответить. Но мы все-таки должны договориться, — сказал Борух.

— Френцель как-то дал понять, что имеются указания Гитлера оставить определенный процент евреев. Мы, рабочие лагеря, наверно, входим в этот процент. Представьте себе, что имеются такие дураки, которые

верят этому. Насколько я понимаю, вы не будете сидеть сложа руки. А подумали вы, что с нами будет, если вы сбежите? Немцы не допустят, чтобы тайны этого лагеря смерти дошли до мировой общественности. Если кто-то покажет дорогу к бегству, так нас всех ликвидируют, это ясно.

— Скажите, вы давно уже здесь в лагере? — спросил я.

— Около года.

— Значит, вы тоже верите немцам, что вас не убьют. И я так же верю, как и вы. Почему же вы думаете, что я собираюсь бежать?

— Не спешите, — схватил меня за руку Борух. — Подождите еще минуту. Вас удивляет, почему мы до сих пор не бежали? Так я должен вам сказать, что мы об этом не раз думали, но не знали, как сделать. Вы — советский человек, военный, берите это на себя. Скажите, что делать, и мы вас послушаем. Я понимаю, вы боитесь меня. Мы так мало знакомы. Но, так или иначе, мы должны договориться. Давайте играть в открытую. Вы же сами не будете бежать, оставив нас здесь на произвол судьбы.

— Но вы ведь находитесь здесь больше года. Что вы сделали?

— Я вам доверяю. Делали... Но нам нужен такой человек, как вы, мы хотим, чтобы ваш товарищ Шлойме Лейтман тоже вошел к нам в комитет.

Я взял его за руку.

— Значит, в лагере есть подпольный комитет?

— Нет, но имеется группа. Она мне поручила связаться с вами.

— Кто туда входит?

— Кроме меня те, кто работает вместе со мной во втором лагере: старший швейной мастерской Юзеф, сапожник Якуб, столяр Янек.

Какое-то время я смотрел на него. Он стоял против меня — невысокий, плотный, умное, серьезное лицо. Он мне понравился.

— В любом случае, я вам благодарен за предупреждение о Бжецком, — сказал я. — Вы уже давно в лагере. Может, знаете, как заминировано поле за оградой, как часто и в каком порядке?

Оказалось, что лагерники, в том числе и Борух, помогали копать ямки для мин. Мины расположены в шахматном порядке.

— А что это за двухэтажная развалина стоит по ту сторону заграждений? Это не замаскированный наблюдательный пункт?

— Думаю, что нет. Когда-то там была мельница.

— Борух, скажите, вы тоже заметили, что немцы не доверяют охранникам?

— Конечно, когда они отправляются на пост, им выдают только по пять патронов. Немцы держат патроны в помещении коммутатора, недалеко от центральных ворот. Там стоит немецкий охранник. Если требуется еще что узнать, скажите, мы всё сделаем.

— Наблюдайте за мельницей, ходит ли кто-нибудь туда. Это можно сделать с чердака столярной мастерской. Проследите, происходит ли смена караула всегда в одно и то же время. В дальнейшем будем встречаться с вами в женском бараке, у Люки. То, что она не понимает по-русски, может, и лучше.

Потом я пошел в женский барак. Обитатели барака сидели на нижних нарах. С ними проводили время «восточники» — так звали советских. Люди изголодавшиеся, утомленные от непосильного труда, исполосованные кнутами, обреченные на смерть. Но стоило им немного отдохнуть, как наступало оживление, особенно здесь, в обществе женщин. Каждый старался распрямить спину, глаза блестели, раздавался смех, повсюду слышались оживленные разговоры.

О чем только здесь не говорили... О войне и как пойдут дела на фронте, о странах и городах, о науке и технике, о театре, музыке, литературе, о противоречиях человеческой природы, о будущем. Здесь смеялись и плакали, целовались. И оживали давно забытые чувства: любовь, ревность и другие переживания — всё, чем живо человеческое сердце.

Мы подошли к Люке. В ней было что-то такое, что вызывало к себе доверие. Оказалось, она из Голландии. Мне только неясно было, как мы поймем друг друга. Но тут же я подумал, что, может быть, для начала это и лучше. Сидя возле нее, я смогу разговаривать с людьми свободно обо всем, что мне нужно. Мы разговорились. Я говорил по-русски. Люка по-немецки. Шлойме — на идиш. Так что беседовали с Люкой через него, и нередко получалась забавная путаница, что вызывало смех, и у нас, и у тех, кто сидел поблизости и слышал наш разговор «втроем».

С этого времени мы стали видеться с Люкой каждый вечер. Понемногу мы научились понимать друг друга. С одного моего слова она догадывалась, что я хочу сказать. Несмотря на свою молодость, она уже многое пережила.

5 октября

Прошло несколько тяжелых дней, в течение которых прибыло два новых эшелона с жертвами. Опять гоготали гуси. В один из таких вечеров сидели мы с Люкой во дворе на штабеле досок. Она много курила. Я ее спросил:

— Люка, сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— А мне тридцать пять, ты могла бы быть моей дочерью. Я гожусь тебе в отцы, поэтому ты должна меня слушаться.

— Пожалуйста, я готова.

— Брось курить. Мне это неприятно.

— Не могу. Нервы. Знаешь, что это такое?

— Нервы и по-русски тоже нервы. И не нервы виноваты в этом. Это плохая привычка.

— Не говори так. Ты знаешь, Саша, где я работаю? Во дворе с кроликами. Двор перегорожен деревянным забором. Через щели забора я вижу всё... Сперва выпускают сотни гусей. Они идут так величаво... За гусями часами тянутся голые, сгорбившиеся люди — мужчины, женщины, дети. Их гонят партиями, по восемьсот человек сразу — туда, в третий ла-

герь, к кирпичным зданиям. Когда они туда входят, за ними закрываются железные ворота, затем включается дизель и начинает поступать газ... Я смотрю, меня трясет как в лихорадке, но я не могу оторвать глаз. Иногда некоторые спрашивают: «Куда нас ведут?» — словно их кто-то слушает и может им ответить... А я дрожу и молчу. Крикнуть, сказать им, что их ведут на смерть? Разве этим я помогу? Наоборот, так они идут хотя бы без слез, без криков, не унижаются перед убийцами. Но это так страшно, Саша, так страшно...

В этот вечер Люка рассказала...

Она не голландка. Она еврейка из Германии. Они жили в Гамбурге. Ее отец был видным немецким революционером. Когда Гитлер пришел к власти, отца хотели арестовать, но он скрылся. Мать пытали, требовали, чтобы она указала, где скрывается муж, чтобы назвала людей, посещавших их дом. Того же добивались от Люки, угрожали пытками. Она плакала. Но немцы от них ничего не добились. С помощью друзей отца по партии мама с детьми переехала в Голландию, а спустя некоторое время приехал туда и отец. У них был радиоприемник, по вечерам в их доме собирались люди и слушали передачи из Москвы. Потом немцы оккупировали

Голландию, и отец опять бежал. А мать и Люку с двумя ее братьями арестовали и привезли в Собибор. Братьев убили, а они с матерью живы, работают.

— Саша, скажи, вот здесь мы и закончим свою жизнь?

7 октября

Я через Шлойме передал Боруху, что хочу его видеть. Он явился, и мы с ним сели играть в шахматы. Во время игры я его расспросил об организации охраны. Борух дал мне полную информацию. Далее я его спросил, имеет ли он в швейной, сапожной и столярной мастерских и втором лагере верных людей, на которых можно опереться.

— Вы только скажите, когда и где, и все будет сделано, — был ответ Боруха.

— Я имею в виду два варианта, — сказал я. — Первый: прорыть из столярной мастерской тоннель диаметром в 75 сантиметров и выйти по ту сторону проволочных заграждений. Длина тоннеля должна составить 85 метров. На эту работу потребуется двенадцать-пятнадцать дней. Сложность этого варианта в малой его пропускной способности. При необходимости пропустить через этот тоннель за одну ночь несколько сот че-

ловек неизбежно возникнут споры между лагерниками, что может привести к провалу. Второй вариант — напасть и уничтожить немецких офицеров, управляющих лагерем. Для этого требуется, чтобы в кузнице было изготовлено семьдесят ножей. Я их раздам наиболее сильным, и в случае провала у нас будет чем обороняться. Для организации всего этого дела необходимо, чтобы я и Шлойме работали в столярной мастерской. Отсюда нам удобнее наблюдать и действовать.

— Хорошо, — сказал Борух, — по возможности все будет сделано. Теперь я должен вам еще кое-что сообщить. В нашу группу входит Моня из молодежной команды. Их капо Геник почуял: что-то готовится, и попросил, чтобы и его включили в дело. Моня ему, конечно, ответил, что он не знает, о чем идет речь. Но Моня считает, что капо следует привлечь, хотя Бжецкий и большая собака.

— Что вы ответили Моне?

— Что без вас я не могу решить этот вопрос.

— Разумеется, — сказал я, — если бы капо были с нами, это был бы большой выигрыш. Немцы им доверяют, и они свободно ходят по лагерю. Но кто знает, может, они хотят подключиться, чтобы потом предать.

Вмешался Шлойме:

— О капо мы вам еще скажем свое мнение, а теперь пора расходиться.

8 октября

Опять прибыл эшелон с людьми. Утром старший по столоярной мастерской Янек вызвал из нашей колонны к себе на работу трех человек. Среди них были я и Шлойме. Вечером Борух передал Шлойме сорок ножей. Началась подготовка операции.

9 октября

Утром Гриша получил двадцать пять розог за то, что колот дрова сидя. Это был вообще тяжелый день. До обеда тридцать человек подверглись порке.

Вечером Калимали прибежал расстроенный:

— Ты спишь, а восемь человек собираются сегодня бежать. Они меня тоже приглашают. Займись немедленно этим делом.

— Ты что, с ума сошел? Чья это затея?

— Это задумал Гриша. Он сейчас в женском бараке.

Я отправился туда. В бараке застал много народу. Я подошел к Люке, взял ее под руку и пригласил выйти во двор, посидеть на досках. Но выйти из барака было не так просто. Меня окружили, и посыпались вопросы: что слышно? что будет?

— Я знаю столько же, сколько вы, — ответил я. А Грише негромко сказал: — Выйди на минутку во двор, Люка хочет с тобой поговорить.

И мы с Люкой вышли. Как только мы сели, появился Гриша.

— Люка, ты меня звала? Хочешь мне что-то сказать? — обратился к девушке он.

Люка удивленно посмотрела на Гришу. Откликнулся я:

— Не она. Мне надо с тобой поговорить. Калимали говорит, что вы собираетесь сегодня бежать.

— Давай и ты с нами, — предложил Гриша.

— А как вы думаете это устроить?

— Очень просто. Возле уборной слабое освещение. Там мы перережем проволоку, тихонько пролезем, снимем охрану и сбежим.

— Очень просто?! Представим себе, что вы уже по ту сторону. Но подумал ли ты о тех, кто остается здесь? Как только вы сбежите, немцы немедленно истребят остальных.

— А кто виноват, что они здесь сидят и ничего не делают?

— А ты им предложил какой-нибудь план?

— Я сюда попал недавно. А чего они здесь ждали?

— Вот что, Гриша, — твердо сказал я ему, — оставьте вашу затею. Здесь имеются люди, которые этим занимаются. Не мешайте им.

— А кто занимается, может, ты? — спросил он насмешливо.

— Может, и я.

— А где ты этим занимаешься? Вот здесь, с ней на досках?

Я старался сохранить спокойствие.

— Вот что, Гриша, брось этот тон, — сказал я ему. — Хочешь, я тебя включу в список, получишь задание. Больше пока ничего не могу сказать.

— Мы больше ждать не хотим. Сегодня уходим.

— Раз так, — сказал я, — я с тобой иначе поговорю. Если бы никто ничего не делал, ты был бы прав. Но подготовка почти закончена. Это вопрос дней. Речь идет о том, чтобы вывести отсюда всех. Так ты хочешь со своей группой расстроить наш план, тебе на всех наплевать, потому что тебе кажется, что тебе и твоим нескольким друзьям удастся бежать? Нет, это не прой-

дет. Предупреждаю тебя, что я повсюду расставлю людей, и если будет необходимо...

— Так что ты сделаешь? Убьешь меня?

— Если потребуется.

— Так нечего мне с тобой разговаривать, — заявил Гриша, повернулся и ушел.

Я попросил Люку подождать здесь, а сам направился в барак. Там я вкратце рассказал Шлойме о разговоре с Гришей и распорядился немедленно поставить возле уборной парня, чтобы тот хорошенько наблюдал за происходящим у проволочных заграждений и, если что заметит, немедленно сообщил мне.

Потом вернулся к Люке.

— Саша, о чем ты говорил с Гришей?

— О глупостях.

— Неправда, вы так горячо спорили. Ты думаешь, я не понимаю твои разговоры с людьми, когда сидишь у меня? Я хорошо понимаю. Я тебе нужна только как ширма. Да, мне это ясно.

— Допустим, что так. Но ты ведь дочь коммуниста. Ты ведь сама сказала, что готова немцев резать на куски.

— Да, но я боюсь, Саша, а вдруг провалитесь? Тогда они всех нас загонят в третий лагерь. Ах, как бы вырваться отсюда! Но это невозможно, невозможно.

Она вся дрожала и все время повторяла: за что это нам? Почему нам жить не дают? Почему?

Я ее успокаивал:

— Люка, обещай, что никому не проговоришься, о чем мы с тобой только что говорили.

— Когда я была еще ребенком, — с досадой проговорила она, — мне было тогда восемь лет, полиция меня мучила, добиваясь, чтобы я рассказала, где мой папа скрывается, а я молчала. А теперь... Эх ты, Саша...

Со слезами на глазах Люка убежала в свой барак.

10 октября

Вечером меня и Шлойме пригласили в слесарную послушать патефон, который охранники дали отремонтировать. Там было несколько лагерников и Бжецкий. Среди вещей уничтоженных людей оказалось несколько советских пластинок, их и проигрывали. Если бы нас накрыли, избили бы до смерти. Но такова жизнь в лагере — ты всегда на грани смерти. Кузнец Рейман выпекал оладьи из настоящей муки и посыпал их сахаром.

— Откуда вы взяли муку и сахар? — удивился Шлойме.

— Во втором лагере. Среди отобранных вещей обреченных попадают продукты. Нам иногда удается немного припрятать для себя.

Бжецкий потеснился и пригласил меня и Шлойме сесть.

— Кушайте, — сказал он, пододвигая к нам тарелку с оладьями.

— Спасибо, я не могу, — отказался Шлойме.

— А из чего, думаете, готовят обед, который нам дают? Из этих же продуктов. Других продуктов они на нас не расходуют.

— Казенный обед — другое дело. Может, вы и правы, но мы не привыкли, поэтому неприятно, извините.

Чтобы покончить с этим тяжелым разговором, я стал рассказывать о разных пластинках, которые когда-то мне пришлось слушать. Бжецкий несколько раз пытался завести о чем-то разговор, но беседа не клеилась. В конце концов он мигнул кузнецу, чтобы тот отнес патефон в другую мастерскую, находившуюся в соседней комнате. Рейман взял патефон, и все пошли за ним.

— Саша, пойдем, — сказал Шлойме.

— Он сейчас подойдет, — ответил за меня Бжецкий.

Я заметил, что в слесарной мастерской только он стоит и все время смотрит в окно. «Значит, и капо тоже боится», — подумал я.

— Я хочу с вами поговорить, — начал Бжецкий. — Вы, вероятно, догадываетесь, о чем.

— Почему вы думаете, что я догадываюсь?

— Чего вы так боитесь?

— К сожалению, — сказал я, — нам трудно договориться. Я не понимаю ни по-еврейски, ни по-польски.

— С Люкой вы все-таки договариваетесь. Так что это препятствие отпадает. Я понимаю по-русски. Разговариваю плохо, но если захотите, то поймете меня.

— Почему бы мне не хотеть? И вообще, что означают ваши уколы?

— Прошу вас, не перебивайте. Выслушайте меня, потом ответите. За последнее время в лагере что-то происходит. Люди стали беспокойные.

— Им есть отчего беспокоиться.

— Да, но до вашего прибытия это не было заметно в такой мере. Ясно, вы что-то готовите. Я скажу вам проще: вы готовите побег.

— Обвинить легче всего. Какие у вас доказательства?

— Вы это делаете очень осторожно, избегаете общества, мало говорите с людьми. Вы проводите время с Люкой. Люка — хорошая ширма. Несколько дней назад вы бросили в бараке фразу: «О себе мы сами должны поза-

ботиться». Потом эту фразу повторяли во всех уголках лагеря. Если бы я захотел, то только за эти слова вас бы уже не было на свете, но вы видите, что я никому ничего не сказал. Я знаю, вы считаете меня низким человеком. Не буду сейчас оправдываться перед вами. Хочу только сказать, что я знаю всё. Вы почти ни с кем не разговариваете. Вместо вас говорит маленький Шлойме, умный парень. Вы спите рядом и имеете возможность обо всем договориться. Я обо всем догадался, но вас не выдал и, как видите, не собираюсь этого делать.

— Продолжайте, я вас слушаю, — сказал я, когда Бжецкий ненадолго умолк.

— Саша, — продолжал Бжецкий, — я вам предлагаю включить меня в дело. Вместе мы проведем операцию гораздо легче и удачнее. Мы, капо, имеем возможность в часы работы свободно передвигаться по лагерям, кроме третьего. Мы можем поговорить с кем надо, не навлекая подозрения. Вы подумайте, насколько мы можем быть полезны вам. Вы спросите, почему я вам это предлагаю? Очень просто. Потому что не верю немцу. Когда наступит момент ликвидации лагеря, мы будем стоять в одном ряду с вами. С нами покончат, как и с вами, это ясно.

— Хорошо, что вы это понимаете, — согласился я. — Но почему вы обращаетесь именно ко мне?

— Потому что вы руководите этим делом. Вы ведь видите, что я это знаю. Зачем время тратить зря? Мы хотим вам помочь, мы хотим идти с вами.

— Кто это мы?

— Я и капо Геник.

— А Шмидт?

— Он может донести.

Я часто присматривался к Бжецкому. Пиджак расстегнут, кепи набекрень, глаз с прищуром, ходит хозяином повсюду, всегда с нагайкой в руке, позволяет себе бить лагерников. Если девушка понравится ему, он ей спуска не дает, пока та не уступит. Но ни разу не слышал я, чтобы он доносил немцам.

— Скажите, — спросил я его, — вы могли бы убить немца?

Бжецкий ответил не сразу.

— Если бы это нужно было для дела — да.

— А так просто, без всякой необходимости вот так, как они убивают сотни тысяч наших сестер и братьев, — вы могли бы?

Он немного подумал.

— Трудно сказать. Я об этом не думал. Ну, пора спать, спокойной ночи!

На этом наш разговор закончился, и он ушел.

Что и говорить, капо были бы нам полезны. Но можно ли им доверять? Бжецкий задумался, когда я ему задал вопрос, убил ли бы он немца. Предатель ответил бы сразу, что на все готов. А далее, черт его знает, что он думает. Трудно залезть в чужую душу. Нужно посоветоваться с Лейтманом.

11 октября

Утром внезапно послышались душераздирающие крики и вслед за этим стрельба из автоматов. Сейчас же поступил приказ не выходить из мастерских. Были закрыты ворота первого лагеря, усилена охрана, крики и стрельба нарастали.

— Что могло случиться? — обеспокоился Шлойме. — Мне кажется, что стрельба доносится из северного лагеря. Может, ребятам не стерпелось и они дали деру?

— Нет, это не там стреляют, ближе, где-то здесь, во втором лагере. Я слышу женские крики. Видно, прибыл эшелон, но что бы означала стрельба?

Прошло много времени пока все успокоилось. Лишь к вечеру, часов в пять, мы узнали, что произошло.

Прибыл очередной эшелон. Когда люди уже были раздеты, они, видимо, догадались, куда их ведут, и, голые,

в страхе, побежали. Но куда могли они бежать? Они ведь были внутри лагеря, огороженного со всех сторон. Все ринулись к проволочным заграждениям, а там их встретили огнем из автоматов и винтовок. Много народу погибло от пуль, остальных загнали в газовые камеры.

На этот раз костры горели до поздней ночи. Высоченное пламя освещало своим кошмарным светом и вечернее черное небо, и весь лагерь с округой. Немые от ужаса, смотрели мы на огонь, в котором пылали тела наших замученных братьев и сестер.

12 октября

Этот день на всю жизнь останется в моей памяти. Уже несколько дней как восемнадцать человек из лагерников были больны. Утром в барак вошли немецкие офицеры во главе с Френцелем. Френцель приказал больным подняться и выйти из барака. Без сомнений, их повели убивать. Среди восемнадцати был один парень из Голландии. Он еле стоял на ногах. Жена его, узнав, куда ведут мужа, побежала за колонной с криками:

— Убийцы! Я знаю, куда вы ведете моего мужа. И меня берите с ним. Не хочу жить без него. Вы слышите, подлецы? Не хочу...

Она взяла мужа под руку и, поддерживая его, пошла вместе с колонной на смерть.

В обед мы условились с Шлойме собраться узким кругом сегодня в девять вечера, чтобы посоветоваться, как действовать дальше.

Совещание устроили в слесарной мастерской. Присутствовали: Борух, Шлойме, старший бригады столяров Янек, старший портняжной бригады Гжев, сапожник Якуб, Мона, я и еще двое.

Во дворе, у ворот первого лагеря, были расставлены люди для наблюдения за любыми передвижениями. Они должны были нас предупредить в случае необходимости, чтобы мы успели разойтись. Там стояли Аркадий Вайспапир и Семен Розенфельд. Под неусыпным наблюдением Семена находились центральные ворота.

Прежде всего я рассказал о своем разговоре с Бжецким и просил товарищей высказать свое мнение, следует ли его включить в нашу группу. Общее мнение было, что следует и нужно это сделать.

За Бжецким отправился Мона. Как только Мона с Бжецким переступили порог мастерской, я объявил, что начинаем совещание.

У Бжецкого на этот раз куртка была застегнута на все пуговицы. Он оглянулся по сторонам и спросил:

Братья Борис (Котя) и Александр Печерские

Котя, Зина и Саша Печерские

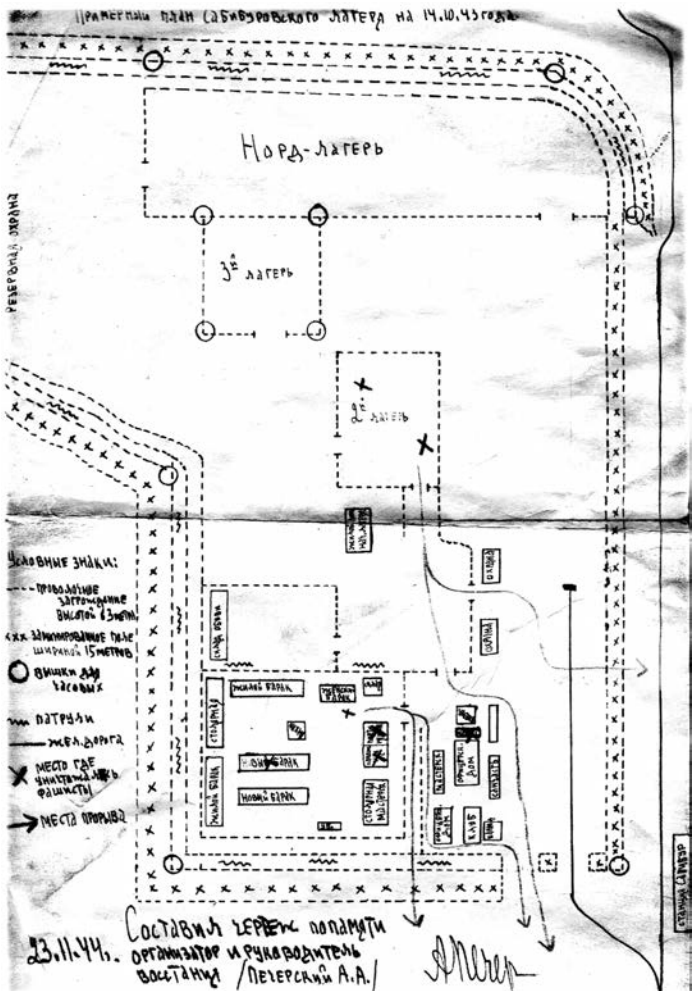
Печерский с дочерью, середина 30-х гг.

А. Печерский на сцене.

А. Печерский. На обороте нижней фотографии сделанная его рукой надпись: «1943».

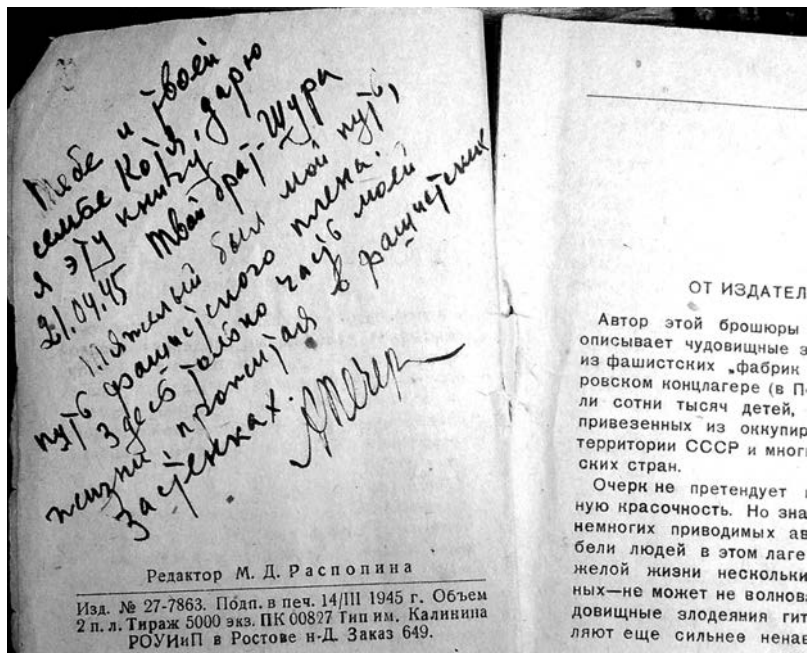

Собибор. Примерный план Собибуоровского лагеря на 14.10.1943 г., сделанный по памяти А. Печерским 23.11.1944 г.

А. А. Печерский
ВОССТАНИЕ
В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

Ростиздат — 1945

Дарственная надпись А. Печерского на книге «Восстание в Собибуровском лагере».

С этой фотокарточкой Печерский прошел и фронт, и лагерь.
В центре (с куклами) — дочь Александра Ароновича.
Надпись на обороте сделана ее рукой.

1941 год июнь до 8 июля
в центре Алла 7 лет
фото с нами прошло
всю войну

Сидят: А. Печерский с женой и внучкой.
Стоят (слева направо): М. Лев — близкий друг
Печерского, дочь Печерского, С. Розенфельд,
А. Вайспапир. 60-е гг.

С. Розенфельд, А. Печерский, А. Вайспапир

Ростов-на-Дону
Встреча 25 лет
Восстания
Собибора

25-летие восстания в Собиборе. На встрече бывших узников лагеря смерти. Ростов-на-Дону, 1968 г.
Надпись на обороте сделана А. Печерским.

Ростов-на-Дону
1988 г. съемки
фильма

На съемке фильма. Ростов-на-Дону, 1988 г.
Надпись на обороте сделана А. Печерским.

А. Печерский, 1989 г. На переднем плане — подаренная Люкой в день восстания рубашка (предположительно принадлежавшая ее отцу). — В этой рубашке ты пройдешь через все опасности. И если ты пройдешь, то и мы будем жить...

«Курган из пепла» (фрагмент Мемориального комплекса лагеря смерти Собибор).

Плиты на памятнике у входа в Мемориальный комплекс «Собибор». На плитах надписи на английском, идиш, иврите, голландском, немецком, французском, словацком и польском языках. Ни упоминания об А. Печерском, ни плиты с надписью по-русски нет.

Государственный комитет СССР
по телевизионно и радиовещанию

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ЭКРАН»

Москва, 127000, ул. Королева, 17

Тов. ПЕЧЕРСКОМУ А.А.

А. П. В. В. № *5-27/2272*

на № _____

Уважаемый Александр Аронович!

Спасибо Вам за взволновавшее всех нас письмо, Мы очень внимательно обсудили Ваше предложение создать антифашистский фильм о сопротивлении, об узниках немецких лагерей смерти,

Совершенно согласны с Вами: антифашистская тема всегда останется центральной в нашей пропагандистской работе, И во многих телевизионных фильмах, посвященных Великой Отечественной войне, мы касаемся материала героического сопротивления узников лагерей смерти, Назовем лишь такие фильмы, как "Руины стреляют" - 6 серий, "Вызывая огонь на себя" - 4 серии, одна из серий телефильма "Вечный зов", "Назначаясь-ся внучкой" и др. Хочется напомнить Вам нашу картину "Был месяц май", Этот фильм - страстное предупреждение против фашизма, разоблачение его античеловеческой сущности, зверств фашизма в лагерях смерти.

Думается, что эта работа режиссера М.Хуциева в целом отвечает тем задачам, которые Вы в своем письме ставите перед создателями такого фильма,

Но мы и в новых своих планах неизменно будем учитывать Ваше пожелание больше видеть фильмов, которые воспитывают молодое поколение на примерах героической борьбы с фашизмом старшего поколения нашего народа,

С уважением

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ТВОРЧЕСКОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ "ЭКРАН"

Т. Г. Огородникова
Т. Г. ОГОРОДНИКОВА

Бюрократическая отписка из Творческого объединения «Экран» от 14.07.1978 г. — в ответ на обращение Печерского, в котором он настаивал на том, что первыми художественный фильм о восстании в Собиборе должны создать именно советские кинематографисты.

Глубокоуважаемые Ольга Ивановна и Александр Аронович!

Сегодня, 7 мая, получил ваше письмо.

Во-первых, хочу от всего сердца и с чувством благодарности поздравить вас со светлым Днем Победы, для которого вы сделали столь много. Низкий вам поклон.

Во-вторых, ваше письмо меня очень взволновало, а то, что вы описываете вызвало чувство омерзения и возмущения. Таковы мои, так сказать, эмоции. Теперь дело.

Постановление Совета Министров СССР от 28 августа 1986 г. и Дополнение к нему, вступившие в силу с 1 января 1987 г. - типичный образец бюрократического саботажа. Документ, который должен был упростить процедуру выезда, как в порядке эмиграции, так и в порядке частных поездок, на самом деле резко ограничил как то, так и другое. Если прежде требовался вызов (или приглашение) любого родственника (в первом случае) или даже знакомого (во втором), то теперь дела обстоят следующим образом. Для эмиграции в кап. страну необходим вызов от прямого родственника (т.е. отец, мать, сын, дочь, муж, жена, брат, сестра). Это же положение (как раз оно-то и оговорено в таинственном Дополнении) относится к возможности приглашения в кап. страны. Я не стану говорить о том, что этот, с позволения сказать, документ противоречит самому духу, да и букве, перестройки, гласности и т.д.

Зато скажу, что целый ряд людей, в том числе и я, активно добивается его отмены.

Вместе с тем, начальник ОВИР УВД Ростоблисполкома Васильев отказал вам, исходя из этого Постановления. Его не надо винить. В конце концов, он всего лишь исполнитель.

Далее. О фильме "Бегство из Собибора" я знаю очень хорошо. Когда я недавно был в США (в марте-апреле с.г.), мне показали отрывок из него. Так что ваше письмо, что называется, попало на весьма подготовленную почву. Для меня нет ни малейшего сомнения, что вы должны поехать в США. Более того, до того, как я начал писать это письмо, я переговорил с ответственным товарищем, который реально может помочь. Он сразу оценил положение и попросил, чтобы я передал ему ваше письмо. Это будет сделано сегодня же.

Обещаю вам, что буду добиваться решения вашего вопроса, чего бы это ни стоило.

Еще раз примите мои сердечные поздравления.

С глубоким уважением

В. Познер

7 мая 1987 года

Письмо В. В. Познера, написанное 7 мая 1987 года в ответ на обращение Печерского по поводу отказа в выезде в Лос-Анджелес на премьеру голливудского фильма «Escape from Sobibor».

Мемориальная доска, установленная в 2007 г. на доме, в котором жил Александр Печерский, – единственное пока свидетельство официального признания подвига героя в странах бывшего соцлагеря.

Могила в Ростове-на-Дону.

— Что, Саша, вы хотите меня испытать или только предупредить?

— Сейчас не время для пустых разговоров. Вы заслужили, чтобы вас судили, и все-таки мы доверяем вам жизнь шести сотен людей. Зачем предупреждать? Вы сами хорошо понимаете, что вас ждет в случае провала... А теперь о плане восстания...

А мой план был такой: в первую очередь мы должны уничтожить офицерскую группу, управляющую лагерем. Понятно, поодиночке, без малейшего шума. Но за короткое время, полагаю за час, не больше. Быстрее вряд ли получится, а растянуть на более длительное время — опасно, могут спохватиться, что кого-то не хватает, поднимут тревогу.

Уничтожение немецких офицеров осуществляют самые надежные люди из советских военнопленных, которых я лично знаю, и уверен, что на них можно положиться. Ясно, что для такого дела требуются люди отважные, решительные, с твердой рукой. Минута колебания, провал только одного участника операции могут привести к гибели всех.

После обеда, в половине четвертого, капо Бжецкий под каким-либо предлогом отведет во второй лагерь трех человек, по моему указанию. Эти трое ликвидиру-

ют там четырех гитлеровцев. Борух должен обеспечить явку, поодиночке, офицеров в помещение, где и будет всё осуществлено. Также надо обеспечить, чтобы в это время никто из лагеря не выходил. Кто попытается поднять шум — надо любыми способами заставить его замолчать, вплоть до уничтожения. К четырем часам операция во втором лагере должна быть завершена.

В четыре часа специально выделенная для этого группа людей перережет телефонную связь, идущую через второй лагерь к резерву охраны. Провод надо срезать с обоих столбов и обязательно спрятать, чтобы лишить возможности скорого восстановления связи.

В это время начинается уничтожение офицеров в нашем, первом лагере. Офицеров, также поодиночке, приглашаются в мастерские. В каждой мастерской их будут поджидать по два человека, которые осуществят их ликвидацию. До половины пятого все должно быть закончено.

В половине пятого Бжецкий с Геником построят в колонну всех лагерников, как будто для выхода на работу. Половина колонны должна направиться к выходу. В первых рядах пойдут наши «восстанники». Передние нападают на оружейный склад. Остальные идут дальше, прикрывая нападение. Те, кто захватят оружие, на-

гоняют колонну, опережают ее, снимают охрану у ворот и нападают на караульное помещение.

Может случиться, что охрана спохватится раньше, чем мы рассчитываем, и нам перережут дорогу к воротам и откроют огонь из двух пулеметов, имеющихся у них. Если мы захватим оружие — вступаем в открытый бой, но, если не удастся, надо предусмотреть другой выход.

Недалеко от столярной мастерской, почти у самого ограждения, находится офицерский дом. Надо полагать, что если даже прилегающее к нему поле заминировано, то, скорее всего, сигнальными минами, не представляющими опасности. Вот здесь, у офицерского дома, и надо прорвать проволочные заграждения. Передние должны бросать перед собой камни, мины взорвутся, и дорога, хотя бы частично, будет очищена.

— Таков план, — в заключение обратился я к собравшимся. — Мы с Шлойме продумывали этот план не раз. Лучших вариантов не видим. Пусть каждый из присутствующих продумает, сможет ли он как следует обеспечить то, что на него возлагается. Завтра вечером опять встретимся. Помните товарищи, что никому — ни жене, ни брату, ни кому-то другому вы не должны и словом обмолвиться, о чем мы здесь говорили.

Обсуждения не было. Разошлись поодиночке.

В последние дни я обратил внимание, что отправляющемуся в караул наряду, утром выдают по пять патронов каждому. И потом патроны передаются по смене. Значит, можно было сделать вывод, что охранники, находящиеся вне караула, не имеют патронов. Хотелось в этом убедиться, и я договорился с Бжецким, чтобы меня послали в барак, где размещаются охранники, произвести там какой-нибудь ремонт.

13-го утром в столярную мастерскую пришел Бжецкий и раскричался на Янека, почему в казарме, где находятся охранники, плохо закрываются двери.

— Откуда мне знать, — оправдывался Янек, — мы ведь не имеем туда доступа.

— Всегда у вас наготове оправдания! Дайте мне кого-нибудь из мастеровых, и я сам его проведу.

Легко понять, что мастеровым, который взял ящик с инструментами и направился в казарму, был я. Сперва я обошел казарму, осмотрел все двери. Затем зашел в комнату, где никого не было, и прикрыл дверь, будто для того, чтобы ее проверить, а сам быстро открыл шкаф, где в углу стояла винтовка. Заглянул в магазинную коробку — патронов нет. И патронташ, лежащий на полке, — пустой. В другом шкафу то же самое.

Вернувшись в столярную мастерскую, я поднялся на чердак. Оттуда местность хорошо просматривалась и по ту сторону заграждений. Слева от лагерных ворот проходила железная дорога, за ней — станция, а дальше — лес. Вдоль дороги валялись бревна. Напротив работали поляки, возившие лес. Стало ясно: бежать надо вправо.

В этот вечер было принято решение: завтра, 14 октября, — бежим.

Час пробил

Редко когда в октябре месяце в этих краях бывают такие солнечные и теплые дни, каким выдался день 14 октября 1943 года.

Ночью мы раздали ножи, а также несколько десятков изготовленных кузнецами по нашему заказу небольших топориков, таких, чтобы было удобно спрятать под полкой. Нуждающиеся получили теплую одежду. Когда и как идем, было известно только руководителям организации.

Я и еще семь человек работали в филиале столярной мастерской. Через окна филиала хорошо просматривалась территория первого лагеря. В соседнем ба-

раке работал на изготовлении нар Шлойме Лейтман с двадцатью отобранными красноармейцами, вооруженными спрятанными под рубашками ножами.

Была договоренность: в 4 часа в швейную мастерскую должен явиться унтершарфюрер Берг на примерку костюма, который ему там шили. В 4 часа 15 минут, с этой же целью, туда придет начальник лагерной охраны. Начальник третьего лагеря Гетцингер и обершарфюрер Грейшут к четырем часам приглашены в сапожную мастерскую. Ко мне в барак для осмотра изготовленных шкафов должен прийти Френцель. В это же время унтершарфюрер Фридрих Гаульштих будет проверять работу Лейтмана. Явку четырех офицеров во второй лагерь под тем или другим предлогом обеспечивает Борух. Остальных офицеров тоже должны пригласить в мастерские.

Все, кому поручено осуществить ликвидацию офицеров, работали в этот день с Лейтманом. Он их поодиночке направлял ко мне для инструктажа.

Первым явился Калимали-Шубаев. В 1940 году он окончил Ростовский институт инженеров транспорта. Это был высокий, стройный парень лет двадцати пяти, с копной черных кудрявых волос, малоразговорчивый, решительный, простой и хороший товарищ.

— С тобой не надо много говорить, — сказал я ему. — Ты и Бенья идете в швейную мастерскую. Берете с собой рубанок, топор и стамеску. Помни, все должно быть сделано так, чтобы немец не пикнул.

— Ясно.

— Иди. Желаю успеха.

Молча мы пожали друг другу руки, и он ушел. Я попросил его прислать ко мне Цыбульского.

— Борис, — обратился я Цыбульскому, — мы вместе сидели в «еврейском подвале» в Минске. Я тебя знаю лучше всех. Тебе поручается самое трудное задание. С тобой идет Михаил. Бжецкий отведет вас во второй лагерь к Боруху. Захватите с собою топоры. Помни, Боря, твой удар — первый. Своим ударом ты должен подбодрить других. Если кто-нибудь из ребят не сможет, замени его другим. К этому никого не следует принуждать.

— Будь спокоен, Саша, все только ждут сигнала.

— Не забудь снять с убитых фашистов пистолеты. Иди, и чтобы было хорошо.

— Должно быть хорошо.

Бжецкий в этот день свирепствовал как никогда. Он расхаживал с резиновой трубкой от противогАЗа в руках и лупил ею направо и налево. Начальник охраны Грейтшцц подозвал его к себе и угостил пачкой сигарет.

В два часа в первый лагерь явился унтершарфюрер Рыба и забрал Бжецкого и еще троих лагерников. Это нас расстроило. Унтершарфюрер был вооружен автоматом, а обычно на работу сопровождали без автоматов. Что бы это могло означать? Мы это связали с эпизодом, произошедшим час тому назад, и это усилило наше беспокойство.

Янек утром надел свой лучший костюм. Ведь придется бежать в чем стоишь, надо забрать хотя бы лучшее, что имеешь. Френцель его увидел и сказал:

— Ты что, свадьбу здесь справляешь? Чего ты так вырядился?

Я побежал к Янеку в столярную.

— Сейчас же узнай, куда повели Бжецкого.

— Как?!

— Это ваше дело. Как бригадир ты можешь свободнее распоряжаться, чем я.

Целый час прошел в страшном напряжении. Мы же знали, в каком мы положении.

В три часа пришел ко мне капо Геник Чепик и сообщил, что Бжецкого с людьми взяли в северный лагерь складывать бревна. Так как они шли без охраны, то унтершарфюрер взял с собой автомат.

— Вы знаете, что Бжецкий должен был отвести несколько человек во второй лагерь?

— Знаю.

— Теперь придется вам это сделать.

— Это невозможно. Я не имею права туда ходить.

— Вы должны это сделать. Скажите, что Бжецкого нет и надо там что-то делать. Придумайте.

— Давайте лучше отложим на другой день, когда будет Бжецкий.

Было ясно, что откладывать даже на один день нельзя. Хотя подготовка шла в узком кругу, но все чувствовалось, что вскоре должно что-то произойти.

На один из этих дней выпал Йом-Кипур*. Верующие люди молились, просили Бога. Кто-то сказал: «Не просите Бога, просите Сашку, он скорее вам поможет». На что люди отвечали: «Мы просим Бога, чтобы он помог Сашке». Вопросы «Что слышно?», «Что будет?» мне задавали на каждом шагу. Я еле уворачивался от них.

Кроме того была еще одна причина, вынуждавшая нас поспешить. Вскоре должен был вернуться Гомерский. Френцель со всеми своими выходками был игрушкой в сравнении с тем извергом.

— Нет, — сказал я Чепику категорически. — Для того, что должно произойти сегодня, завтра — может быть

* Судный день (*иврит*).

уже поздно. Мы договорились, вы дали свое согласие. Отказаться в таком деле невозможно. Делайте, что я говорю.

В 3.20 капо Геник вошел к Лейтману в барак, и я видел, как он с Цыбульским и еще двумя лагерниками ушли в направлении второй территории.

Унтершарфюрер Эрнст Берг подъехал верхом к портняжной мастерской раньше назначенного ему времени. Он соскочил с лошади, оставил ее с опущенными поводьями и вошел в мастерскую.

Внутри, по полученным мною впоследствии сведениям, события развивались так: когда унтершарфюрер вошел, все, как обычно, встали. Шубаев отошел к краю стола. У ножки стола стоял топор, прикрытый гимнастеркой. Унтершарфюрер снял пояс с кобурой вместе с пистолетом и положил на стол. Снял френч. Портной Юзеф сразу же подскочил с костюмом и стал его примерять Бергу. Сеня пододвинулся к столу, чтобы, в случае необходимости, он смог перехватить пистолет. Под предлогом лучшего освещения, Юзеф повернул немца спиной к Шубаеву. В этот момент Шубаев ударил фашиста обухом топора по голове. Тот так заорал, что лошадь на дворе вздрогнула, наострила уши и рванулась. К счастью, одному из парней удалось схватить лошадь за уз-

дечку. От второго удара немец замолк навсегда. Труп задвинули под кровать и закрыли тряпками. Вытерли и накрыли следы крови на полу.

Сразу же после этого ко мне в барак прибежал Шубаев.

— На, возьми, — протянул он мне пистолет немца.

— Теперь, если даже кто захочет раздумать, уже не сможет. Спасибо тебе, Калимали.

Мы обнялись и расцеловались. Он спешил. Скоро должен был явиться в мастерскую «второй клиент».

— Беги, беги обратно. Как держались остальные ребята?

— Прекрасно.

И Шубаев направился к себе. Через десять минут в швейную мастерскую заявился начальник общелагерной охраны обершарфюрер Эрберт Хельм. Оттуда он уже не вышел. Сеня его уложил одним махом, как только немец переступил порог мастерской.

Точно к условленному времени, к четырем часам дня, явился в сапожную мастерскую начальник третьей очереди лагеря обершарфюрер Гетцингер. Аркадий Вайспапир ремонтировал табуретку. Гриша стоял у двери.

Обербандит был в хорошем настроении.

— Сегодня солнечный денек. Солнышко греет хорошо,— болтал он. — Ну как, сапоги готовы?

— Пожалуйста,— преподнес ему Якуб сапоги,— примерьте.

— Слушай, ты, Якуб,— сказал обершарфюрер, примеряя сапоги,— через пять дней я еду в Германию. Ты должен пошить для моей жены пару туфель, но помни...

— Надеюсь, что ваша жена останется довольна,— ответил Якуб.

Тут Аркадий ударил топором. Труп утащили за ноги в угол, накрыли тряпьем. Кровь засыпали песком. Всё делали очень быстро. Обершарфюрер Грейшуц уже шел за получением своего заказа.

В четверть пятого Цыбульский возвратился из второго лагеря. Он был возбужден, но отнюдь не расстроен.

— Готово! Все четверо,— доложил он. — И телефонная связь перерезана там, где нужно. Из второго лагеря никого не выпускают. Борух поддерживает там полный порядок. Он просит своевременно сообщить ему, когда выпускать народ.

— Где пистолеты?

— Два остались там, один у меня, один у Михаила.

— В порядке. Иди пока в барак к Лейтману.

В четыре часа пришла Люка. Я ее вызвал.

— Люка, — сказал я ей, — через полчаса мы все бежим. Оденься в мужское. В лесу в юбке тебе будет холодно и неудобно.

— Кто бежит? Как? Что ты такое говоришь, Саша?

— Люка, дорогая, не трать время на пустые разговоры. Почти все офицеры лагеря уже перебиты. Никаких колебаний не должно быть, — уговаривал я ее.

— Да, да, я понимаю, Саша, но я напугана. Столько времени смерть стояла перед моими глазами, не обращая на меня внимания. Делай, что считаешь нужным.

— Люка, видишь, мы стали с ними рассчитывать. Но это только начало. Подожди, нам бы вырваться отсюда. Будь бодра, сильна.

— Саша, я боюсь, боюсь, — говорила девушка как в лихорадке. Нет, не смотри так на меня... Я боюсь не за себя. Мне уже все равно, все равно... Но что станет с тобой, если все провалится? Ты себе представляешь, что палачи сделают с тобой?

Она обхватила мою шею, лицом уткнулась мне в грудь и расплакалась. Но проявить мягкость в решительный момент было нельзя.

— Сейчас же возьми себя в руки! — сказал я со всей строгостью, на какую я только был способен. — Как

тебе не стыдно? Ты ведь дочь коммуниста. Иди и переоденься. Будет сигнал, придешь и встанешь рядом со мной. Ты веришь мне?

— Да, Саша, верю.

— Вот я и говорю тебе: ты должна жить, и то, что мы делаем, — единственный путь к жизни. Ты понимаешь, Люка? Мы должны жить, потому что должны мстить. Беги скорее.

Она убежала и вскоре вернулась, переодетая в мужскую одежду. В руках у нее была метелка.

— Метелку я взяла на всякий случай, а вдруг меня спросят, что я здесь делаю, — оправдывалась она.

Люка вынула из-за пазухи мужскую верхнюю рубашку и дала мне.

— Зачем это? — спросил я.

— Надень.

— Я ведь в рубахе.

— Надень.

— Зачем?

— Саша, прошу тебя, надень. Она принесет тебе счастье.

— Люка, любимая, не надо, это суеверие. Да и некогда мне.

— Нет, ты наденешь! Ты должен! — заупрямилась она и стала стягивать с меня пиджак.

— Если не хочешь сделать это ради меня, то сделай это ради своей дочери. Ты говоришь, что она тебе дороже всего на свете, так сделай это ради нее. В этой рубахе ты пройдешь через все опасности. А если ты пройдешь, то и мы будем жить.

Я быстро надел рубаху и положил конец разговору. Улыбкой радости засияло лицо девушки. Она меня поцеловала в губы и поспешно выбежала из барака.

Французский еврей, работавший вместе со мной и наблюдавший эту сцену, подошел ко мне и серьезно сказал:

— Не смейся над рубахой. Это счастье. Люка принесла тебе счастье.

В половине пятого вернулся из северного лагеря Бжецкий со своей группой. В это время показался во дворе унтершарфюрер Гаульштих. Шлойме Лейтман побежал к нему навстречу.

— Господин унтершарфюрер! Нам приказали закончить нары, а у нас нет точных указаний. Столяры стоят без дела. Может, вы на минутку зайдете?

Гаульштих направился к бараку. За ним следовал капо Шмидт. Когда я это заметил, то выбежал к Бжецкому:

— Забери Шмидта. Он не должен войти в барак.

Бжецкий взял Шмидта за руку:

— Не ходи туда, — сказал он ему.

— В чем дело?

— Если хочешь остаться в живых, не вмешивайся. Почти все офицеры уже перебиты. Следят за каждым твоим шагом. Не вмешивайся, говорят тебе.

С дрожью выслушал Шмидт слова Бжецкого. Губы его затряслись, он не мог произнести ни единого слова.

Лейтман пропустил Гаульштиха вперед и дал ему подойти к нарам. От первого же удара унтершарфюрер распластался на полу, раскинув руки. Маленький сухонький Шлойме так ударил топором фашиста, что не было надобности повторять удар.

Пора было уже подавать сигнал. Но еще был жив Френцель. Он не спешил явиться для осмотра шкафов. Некоторое время тому назад он проходил по территории, но в мастерскую не зашел. Глава лагеря еще не был обезглавлен.

Жестянщики пришли с металлическими трубами, к которых было спрятано шесть винтовок с патронами. Одна девушка принесла патроны к пистолетам. Она забрала их в квартире убитых офицеров. Сообщили, что Энгель, слесарь из Лодзи, убил в гараже, где сегодня работал, унтершарфюрера Вальтера Рыбу. Немец вошел в гараж с автоматом. Это показалось Энгелю подозри-

тельным, и он недолго думая уложил фашиста прямо на пороге. Эта история могла быстро получить огласку. Ясно, что дальше ждать нельзя. Но что делать с Френцелем?..

— Черт с ним, — решительно сказал Лейтман. Раньше или позже, он свою порцию свинца получит и без нас. Пора убираться отсюда, время не ждет.

Минуту мы прислушивались. В лагере царила мертвая тишина. Я велел Бжецкому подать сигнал. Тишину разрезал резкий свисток. Лейтман отправился во второй лагерь сообщить, что начинается выход.

Со всех сторон хлынули люди.

Заранее было выделено семьдесят человек, почти все наши, советские военнопленные, которые должны были напасть на оружейный склад. Поэтому они шли в передних рядах колонны. Но сотни людей, которые только догадывались о том, что что-то в лагере происходит, но не знали ничего конкретного об операции, теперь, в последнюю минуту поняли и стали напирать и толкаться. Каждый боялся остаться позади и стремился вперед. В таком беспорядке дошли мы до центральных ворот первого лагеря.

И тут нам навстречу вышел начальник караула, поволжский немец.

— Вы слышали свисток, так чего же вы толкаетесь, как стадо баранов?

Он не мог понять, почему сбор лагерников происходит с таким шумом, и стал орудовать кнутом направо и налево. Ему уже почти удалось построить колонну по пять человек в ряд. Но в этот момент он заметил, что кроме Бжецкого за ним следует еще несколько человек.

— Смотри, капо, как они все сейчас будут стоять, — крикнул он и взялся за кобуру.

Но в этот момент Розенфельд и еще несколько человек опустили на немца одновременно свои топоры, которые как по команде появились у них в руках.

Сдерживать возбужденную толпу было больше невозможно.

В это время к воротам стала подтягиваться колонна из второго лагеря. Некоторые женщины, потрясенные происходящим, от неожиданности подняли крик, кто-то был близок к обмороку, кто-то пустился бежать куда глаза глядят. Стало ясно, что построить людей в колонну невозможно. Тогда я громко крикнул:

— Товарищи, вперед к офицерскому дому, режьте проволочные заграждения!

— Вперед! — кто-то поддержал меня.

Как гром раскатились по лагерю смерти выкрики людей. Шестьсот человек, измученные, истосковавшиеся по свободе, с криком «ура» рванулись вперед. В этом едином порыве объединились евреи России и Польши, Голландии и Франции, Чехословакии и Германии...

Лишь теперь охранники на вышках спохватились, что в лагере происходит что-то не то, и открыли стрельбу. Бывший майор Пинкевич и бóльшая часть лагерников следом за ним кинулись к центральным воротам. Охранник у ворот был сметен и раздавлен под напором людей. Восставшие отрыли стрельбу из имевшихся у них нескольких винтовок, в фашистов полетели камни, в глаза им бросали песок, и все бежали, бежали к лесу. Но до леса многие не дотянули. Одни подорвались на минах, других догнали пули...

Советские военнопленные, следуя за мною, бросились на оружейный склад, но ураганный пулеметный огонь охранников прижал нас к земле. Оставшиеся в живых фашисты бросились отбивать склад. У восставших было всего несколько винтовок и пистолетов, и этого хватило, чтобы заставить фашистов ползать на четвереньках, но оказалось недостаточно, чтобы захватить оружейный склад. Захват склада не удался.

Почти у самых дверей склада я заметил начальника лагеря Френцеля, когда обершарфюрер пытался подняться с земли. Я в него выстрелил дважды, но не попал: видно, дало себя знать нервное напряжение.

За офицерским домом мы прорезали себе дорогу в заграждениях. Мой расчет, что поле за офицерским домом заминировано только сигнальными минами, оправдался. Но вот недалеко от заграждений рухнули трое наших. Возможно, они погибли не от осколков, а от пуль, так как с разных сторон немцы вели по нам беспорядочную стрельбу.

Сам я вместе с несколькими вооруженными лагерниками немного задержался, чтобы прикрыть безоружных беглецов.

Кто-то ко мне обратился:

— Товарищ командир! Пора отходить.

Какой внутренней радостью откликнулись во мне эти слова «товарищ командир», которых я давно уже не слышал.

Мы стали уходить. Заграждения теперь остались по ту сторону минного поля. Пробежали сто метров, еще сто... Скорее бы проскочить вырубленную полосу леса, где ты как на ладони и являешься хорошей мишенью для пуль преследователей. Поскорее бы достичь леса, чтобы скрыться там.

...И вот наконец мы под защитой деревьев.

Я остановился, чтобы перевести дыхание. Оглянулся назад и увидел, как отставшие мужчины и женщины, пригибаясь, продолжают бежать к лесу. Пули свистели всё чаще. Вот один упал лицом вниз. Другой подорвался на mine. Вот подкосило пулей женщину, которая была уже совсем близко от меня.

Где Люка, где Шлойме?

Большей части беглецов удалось вырваться из лагеря. Но многие погибли в этой просеке между лагерем и лесом.

Постепенно уцелевшие стали собираться вместе. После кипящего котла, откуда мы только что вырвались, показалось, что укрывший нас лес дремлет. Из лагеря все еще доносилась стрельба. Нельзя, никак нельзя задерживаться, надо бежать дальше, и в разные стороны, небольшими группами. Польские евреи пошли на запад, в сторону Хелма. Они и язык знали, и с местностью были знакомы, конечно, их тянуло туда. А мы, советские, — направились на восток. В тяжелом положении оказались евреи из Голландии, Франции, Германии — нигде на громадной территории, окружающей их, они ни с кем не могли объясниться.

Продолжающаяся ружейная и автоматная пальба служила нам ориентиром. Мы знали, что там — лагерь.

Телефонная связь была нарушена, и поэтому Френцель не мог так скоро вызвать подкрепление. Стрельба тем временем удалялась и наконец совсем стихла.

Уже стемнело, когда справа от нас опять послышались выстрелы, пока неблизко, глухо. Было ясно, что это уже погоня за нами. Ко мне подошли Вайспапир и Цыбульский.

— Где Люка, где Шлойме? — задавал я всем один и тот же вопрос.

Но никто ничего не мог ответить.

Я предложил продолжать отход всю ночь. Идти цепочкой, друг за другом. Я шел впереди, за мною Цыбульский. Цепь замыкал Аркадий. Не курить, не разговаривать, не отставать, не убегать вперед. Когда первый ложится, следом за ним ложатся все остальные. Если появляется ракета — сразу ложатся все. Что бы ни случилось — не поддаваться панике.

Так мы шли. То с одной стороны, то с другой к нам присоединялись участники побега, и каждого я спрашивал, не видел ли кто Люку, Шлойме.

Никто их не видел.

Мы победили

Мы вышли из леса. Километра три шли открытым полем. Неожиданно нам преградил путь ров шириной в пять-шесть метров, заполненный водой. Похоже, глубокий, вброд его не перейти. Пошли вдоль берега. Вдруг метрах в пятидесяти от нас мы заметили группу людей. Легли. Я поручил Аркадию разведать.

Аркадий пополз по-пластунски. Прислушался— кто-то говорит с кавказским акцентом. Так мог говорить только наш Шубаев-Калимали! Так и есть. Шубаев со своей группой успел уже наскоро соорудить плот и переправиться через ров на ту сторону. А там опять лес.

Аркадий вернулся с радостным сообщением. Мы переправились через ров, обрадовались встрече.

О Люке Шубаев тоже ничего не знал. Но Шлойме он видел. Шлойме был тяжело ранен еще до того, как добрались до леса, километра три он еще шел, но потом обессилел и уже не мог держаться на ногах. Просил пристрелить его. Польские евреи сказали, что берут его на себя, не оставят раненого. Вместе с Борухом попытаются разыскать польских партизан. И Шубаев оставил с ними Шлойме, лежащего на носилках. По виду, Шлойме вряд ли доживет до утра...

Какая горечь, какая боль! Вырваться из лагеря и умереть, оказавшись на свободе!.. Столько дней мы с ним пробыли вместе в лагере. Дни, равные годам. Жили как братья. О чем только мы с ним не переговорили по ночам, лежа рядом на нарах. Его ясный ум, спокойствие, отвага, преданность поддерживали меня в трудные минуты. Восстание готовили мы вместе. Советовался с ним и о каждой мелочи, и о важных делах. Достаточно было, чтобы Лейтман кивнул головой, как я верил: иначе не может быть. Шубаев передал мне от Шлойме последний привет, его благодарность... Кого надо благодарить за то, что мы сейчас на свободе, если не Шлойме? Что с ним стало? Получу ли я когда-нибудь весточку о нем?

А Люка? Ее подарок я носил на своем теле. Она мне так доверяла... Где она сейчас, что с ней стало?..

Теперь в нашей группе пятьдесят семь человек. Такой большой группой трудно идти незаметно. Откуда-то доносится шум — и все стихает. Затаив дыхание, пошли дальше. А тут вдруг одна женщина раскричалась, как у себя дома:

— Мойше! Где ты?

Правда, не очень громко, только чтобы ее Мойше отозвался. Но всем показалось, что этот крик: «Мойше,

где ты?» разлетелся на многие километры вокруг. Так что же делать с ней? Шлойме безусловно покачал бы головой: «Нет».

Прошли пять километров. Послышался грохот проходящего поезда. Перед нашими глазами предстала открытая местность, кое-где заросшая кустарником. Мы остановились. Скоро рассвет, и надо подумать, где провести день. Было ясно, что днем нас будут искать. Лесочки в этих краях небольшие и легко просматриваются во всех направлениях. Я посоветовался с Цыбульским и Шубаевым, и мы решили, что лучше всего рассыпаться здесь, в зарослях кустарника. Именно потому, что местность открытая да еще поблизости железная дорога, никому и в голову не придет искать нас здесь. Но надо хорошо замаскироваться, лежать неподвижно и не пикнуть.

Я послал пару человек посмотреть, как далеко распространяются эти заросли во всех направлениях. Только после этого все улеглись.

Начало светать. Моросил дождик. Теперь, при свете, можно было осмотреться, где мы находимся. Аркадий и Борис Цыбульский направились в одну сторону, мы с Шубаевым — в другую. Прошли с полкилометра и очутились в открытом поле. На горизонте, довольно

далеко от нас виднелся лес. Мы вернулись назад, легли отдохнуть. Через полчаса вернулись Аркадий с Цыбульским. Они рассказали, что приблизительно в километре отсюда находится железнодорожная станция, недалеко от нее работают поляки, без охраны. Больше ничего не раз узнали.

Поближе к железной дороге мы поставили двух человек, замаскировав их, чтобы они наблюдали за всем, что там происходит, и нам сообщали. Каждые три часа меняли наблюдателей.

Целый день над нами летали самолеты. Два самолета прошли совсем низко. До нас доносились голоса работавших на путях поляков. Мы лежали прикрытые ветками, неподвижно, словно вросли в землю. Никто не двинулся с места, пока не стемнело. Так мы провели первый день нашей свободы — 15 октября 1943 года.

С наступлением вечера мы поднялись со своих мест. Заметили двух человек, передвигавшихся с большой осторожностью, и поняли, что это, должно быть, наши, собиборовцы. Оказалось, что они уже были у реки и вернулись обратно.

— Почему же вы не переправились? — удивились мы.

И они рассказали, что неподалеку от Буга они попали на хутор, и там их предупредили, что ночью к берегу прибыло много солдат и переправы строго охраняются.

Как у всех вновь прибывающих беглецов, я спросил, не повстречались ли им Люка и Шлойме. Они сказали, что встретили Люку в лесу, она была вместе с польскими евреями.

Значит, она жива, дышит свободным воздухом. Где она теперь? Кто ее ведет? И какими путями — к жизни...

Мы шли, растянувшись цепочкой по одному, в том же порядке, что и вчера. Впереди я, за мной Цыбульский, замыкающими — Шубаев и Аркадий. Прошли километров пять, вступили в лес и только здесь остановились.

Дальше продолжать путь такой большой группой было неразумно. Такое скопление людей слишком заметно, да и трудно с жизнеобеспечением.

Я обратился к собиборовцам:

— Товарищи, мы разобьемся на шесть групп. Желаю вам всем счастливого пути. Будьте счастливы и живите.

Мы обнимались, целовались. Кто-то тихо сказал:

— Спасибо тебе, Саша! Мы тебя никогда не забудем.

Моя группа состояла из девяти человек, это Шубаев, Борис Цыбульский, Аркадий Вайспапир, Михаил Ицкович, Семен Шавуркевич и еще трое, не считая меня.

Мы шли на восток, ориентируясь по Полярной звезде. Стояли звездные ночи. Первая наша задача — переправиться через Буг. Надо было найти подходящее место и выбрать время. На затерянных хуторах мы добывали себе продукты и нужные сведения. Нас предупреждали, какие надо обходить места.

Вышли на хутор Ставки — в полутора километрах от Буга. Целый день оставались в лесу, наблюдали за хутором. Весь хутор — всего один двор. Когда стемнело, мы отправились к хутору вчетвером: я, Цыбульский, Вайспапир и Шубаев. Пятеро остались наблюдать, чтобы оповестить в случае опасности и необходимости убираться восвояси.

Я постучал в окно. Отодвинулась занавеска. Через минуту открылась дверь. В хате горела лампочка. У стола стоял босой парень лет двадцати восьми с длинными светлыми волосами, ниспадающими на бледный лоб, в расстегнутой рубашке, широких шароварах. Он стоял у стола и резал табачные листья. У печи сидел старик. Справа, в дальнем углу, у подвешенной к потолку люльки сидела молодая женщина. Она, мерно нажимая ногой на веревку, укачивала ребенка и одновременно пряла.

— Добрый вечер. Можно войти?

— Войдите, — откликнулся парень на чистом русском языке.

— Хозяйка, занавесьте окно, — попросил Борис.

— Можно, — согласилась женщина и поднялась от люльки.

— Садитесь, — предложил старик.

Мы сели. Хозяева молчали.

— Не скажете ли нам, где можно переправиться через Буг? — нарушил молчание Шубаев.

— Не знаю, — ответил молодой.

— Вы, отец, наверно, живете здесь давно, — обратился Шубаев к старику, — вы должны знать. Говорят, что возле этого хутора где-то есть неглубокое место, и там можно вброд перейти Буг.

— Раз вам сказали, то переходите. Мы не знаем, мы к Бугу не ходим и даже не имеем права ходить. Посидите, отдохните. Мы вас не гоним. Здесь сейчас неспокойно. Немцы кругом шныряют. Говорят, что из печей, где нацисты сжигают людей, вдруг стали выскакивать живые трупы и гоняться за немцами. Кого поймают, схватят за горло, и душат его. Еще говорят, что там недалеко стоял полк немецкий. Сперва они взяли за оружие, а потом со страху побросали автоматы и разбежались куда глаза глядят.

Разговаривали мы около часа. Мы рассказали, что бежим из плена и хотим добраться домой, кто в Донбасс, кто в Ростов. И бояться нас нечего.

— Вот что, ребята, — заговорил молодой после долгого молчания. — Место это я вам покажу, но близко к реке с вами не пойду. Дорога сама вас выведет. Вы должны знать: охрана берега сейчас усилена. Из лагеря, где из людей делают мыло, расположенного недалеко отсюда, разбежались узники. Теперь немцы переворачивают всё, ищут сбежавших. Если вам удастся переправиться — ваше счастье. Но если провалитесь — не губите меня.

— Будь спокоен друг, добрый человек. Сказать спасибо за такую помощь — это ничего. Слова в этом случае мало что значат. Пошли, пока луна не взошла.

— Подождите, — сказала молодая, — я вам хлеба дам на дорогу.

Мы поблагодарили хозяйку и попрощались со стариком, а он нас перекрестил.

Это произошло в ночь с 19-го на 20 октября 1943 года. Мы благополучно переправились через Буг и очутились в белорусских лесах. Два дня бродили мы по оккупированной фашистами советской земле. 22 октября в районе Бреста встретились с первыми партизанами. Восемь че-

ловец было принято в партизанский отряд имени Котовского. Меня зачислили в отряд имени Щорса.

В этот отряд я пошел потому, что меня пообещали включить в диверсионную группу, которая должна была в ближайшее время отправиться на железную дорогу взрывать вражеские эшелоны.

О моей жизни и работе среди партизан отдельная глава, которую, может быть, когда-нибудь напишу. Я дожид до того дня, когда наш отряд соединился с Советской армией, и заменил на своей фуражке красную ленточку на красную звездочку. Опять бои... В августе 1944 года я был тяжело ранен, пролежал четыре месяца в госпитале, после чего получил назначение в резервный полк, а затем вернулся домой, в Ростов.

О том, как разворачивались события в Собиборе после нашего бегства, я узнал много позже.

Еще вечером того же дня, когда мы бежали из лагеря, то есть 14 октября, по железнодорожному телеграфу пошла срочная телеграмма: «Немедленно направить войска и догнать сбежавших из лагеря». Из Берлина поступил срочный секретный приказ: уничтожить восставших любой ценой. Молодая женщина, работавшая телегра-

фисткой на Хелмском вокзале, рискуя жизнью, задержала телеграмму на четыре часа. Немало беглецов было поймано, но многим удалось добраться до партизан. Другие нашли убежище у польских крестьян.

Гитлеровский лагерь смерти Собибор, где за время его функционирования были истреблены сотни тысяч евреев, 14 октября 1943 года прекратил свое существование. Уже 16 октября в Собибор — по приказу Гиммлера — прибыла специальная саперная часть. Динамитом взорвали практически все помещения лагеря и сторожевые вышки. Столбы, вместе с колючей проволокой, вырвали из земли. Бульдозеры, экскаваторы, работавшие на рытье ям для захоронения останков, погрузили на платформы и увезли из лагеря. Также были вывезены агрегаты, подававшие газ в «баню», и вагонетки. Даже гусей и кроликов забили на месте.

Читателя, возможно, заинтересует судьба тех, кто много лет назад бросился на штурм проволочных заграждений Собибора. Позже в печати я иногда встречал имена бывших лагерников, кому удалось спастись. Особенно больно за тех, кто погиб после побега. Так, Калимали — Александр Шубаев — пал смертью храбрых в партизанском бою с немецкими оккупантами.

На всю жизнь останется в моей памяти Борис Цыбульский, донбассовец, высокий, подвижный здоровяк лет тридцати, с крупными чертами лица, с черными глазами, бывший мясник и биндюжник, несколько грубоватый, но добродушный и веселый, немного болтливый. В его грубости было больше напускного, а в сердце — много человеческого тепла. Он помогал истощенным людям идти, когда те уже еле могли передвигаться, и делал это так деликатно, чтобы у них и в мыслях не было, что он поступает так из-за жалости. Наоборот, подбадривая их своими веселыми шутками и поговорками, даже вызывал смех. Решительный, отважный. Ему можно было поручить самое трудное и опасное дело, сделает — рука не дрогнет.

Он и выполнил ответственное задание, ликвидировав во втором лагере в Собиборе четырех фашистов. Мы вместе бежали, вместе переправились через Буг. На второй день после переправы, когда мы уже были в партизанской зоне, Цыбульский заболел воспалением легких. С большим трудом донесли его до какого-то села. Там мы Бориса, по его же просьбе, оставили. С ним вызвалась остаться одна женщина, бежавшая из гетто и присоединившаяся к нам после переправы.

А мы вступили в партизанский отряд и получили боевые задания. Руководители партизанского отряда заверили, что нашему товарищу будет обеспечен уход, так как он находится в партизанском крае. В апреле 1944 года с горечью мы узнали, что Борис Цыбульский скончался от воспаления легких.

Как я уже говорил в начале повествования, на советской земле нас собралось семь собиборцев — активных участников и организаторов восстания в лагере смерти: Аркадий Вайспапир, Алексей Вайцен, Семен Розенфельд, Ефим Литвиновский, Наум Плотницкий и Борис Табаринский.

О каждом из них я и хочу сказать несколько слов.

Аркадий Вайспапир. Родом из старой еврейской колонии Бобровый Кут на Херсонщине. Там родились его дед-кузнец и отец — полковой бригадир. Там же Аркадий окончил десятилетку, оттуда накануне войны ушел в Красную Армию и служил на границе, недалеко от Бреста.

Под Черниговом он был ранен в третий раз. Товарищ перевязал рану и нес его на себе до реки Десны. Аркадий потерял сознание. Когда пришел в себя, почувствовал острую боль и влажный холод. Над рекой гремело эхо орудийных залпов. В воздухе непрерывно

свистели пули и с воем разлетались осколки. Рядом с ним лежал мертвый товарищ, тот, который его сюда принес.

Как добраться до воды, чтобы хотя бы губы смочить? Аркадий попытался подняться, но тут же упал. Стало чуть легче, когда удалось развязать бинт, которым товарищ перевязал ему ногу, и выпустить из раны немного крови.

Появились немцы, бросили его в кузов грузовика, где уже лежали еще восемь красноармейцев.

Дальше — гомельский лагерь, бобруйский, минский, Собибор. Об этом я уже рассказал. Участие в организации восстания, бегство, переправа через Буг, вступление в партизанский отряд, соединение с Советской армией. Участие в боях, победа.

Ефим Литвиновский. Служил в 14-й Кубанской кавалерийской дивизии. В плен был захвачен немцам на поле боя, когда лежал раненый, без сознания. Попал в минский лагерь, оттуда в Собибор. Участвовал в организации восстания в Собиборе, бежал, сперва попал в польский партизанский отряд. Потом в Скворожницких лесах встретился с группой красноармейцев, бежавших из плена. Командиром этой группы был Федор Ковалев. Вместе они вступили в прославленное

партизанское соединение дважды Героя Советского Союза Федорова.

Как и многие из бывших лагерников, закончил войну в рядах Советской армии. Живет в Куйбышеве.

Наум Плотницкий. Как и все мы, долго партизанил, войну завершал в регулярных войсках. Живет в Пинске...

Борис Табаринский. Родился в 1917 году в Минске. Отец рабочий. Борис окончил семилетку и пошел работать на кожевенно-галантерейную фабрику, на первых порах учеником. Затем работал закройщиком, гальванистом. На этой же фабрике работали его братья Зисель, Яша и их дети.

Война застала его в Минске. Борис был младшим лейтенантом запаса и сразу явился в военкомат. Там ему велели ждать вызова. Но Минск был захвачен немцами через несколько дней после начала войны. Борис с сестрой Маней пытались вырваться из окружения. Днем и ночью шли они со многими беженцами на восток.

На Московской магистрали немцы перерезали им дорогу и заставили повернуть обратно. Когда они добрались до Минска, их дом, в числе множества других, уже был разрушен. Ежедневно их гоняли на расчистку города. В июле-августе 1941 года всех минских евреев согнали в гетто.

7 ноября 1941 года, в день праздника Октябрьской революции, гитлеровцы провели в Минске свою первую акцию — вывели из гетто 20 тысяч евреев и расстреляли. Через две недели, 20 ноября, провели вторую акцию: снова расстреляли несколько тысяч человек, в первую очередь врачей, инженеров, людей с высшим образованием.

Позже Борис попал в эсэсовский рабочий лагерь на Широкой, а в сентябре 1943 года вместе с другими евреями его отправили в Собибор.

«Наилучший день в моей жизни, — любил говорить Борис Табаринский, — это день восстания в Собиборе — 14 октября 1943 года. Помню, как мы прорывались из лагеря, как потом, на второй день, прятались вместе с тобой в зарослях кустарника возле железной дороги. Ты принял правильное решение разделить большую группу на несколько маленьких. Мы разошлись по несколько человек, и нам удалось уйти от преследователей и встретить партизан».

Борис Табаринский и Аркадий Вайспапир вступили в партизанский отряд имени Фрунзе. В отряде Табаринский был пулеметчиком. Во время одного боя с фашистами он попал под сильный огонь противника. Взрывной волной его отбросило от пулемета. Сколько он

ни пытался вернуться к пулемету, ему никак не удалось. Это заметил Аркадий, он сумел ползком добраться до огневой точки и схватить пулемет. Вместе с Борисом они отползли в менее опасное место и оттуда открыли огонь по фашистам.

Из партизанского отряда Борис Табаринский ушел в Советскую армию и до конца войны был на фронте. Участвовал в боях за Варшаву, Восточную Пруссию, брал Данциг, форсировал реку Одер. Победу он праздновал в Штеккене.

В 1947 году демобилизовался и вернулся в Минск. Поступил на ту же кожевенно-галантерейную фабрику, где работал до войны.

Алексей Вайцен. И после войны он в течение двадцати пяти лет служил в армии. Теперь он, конечно, вышел на пенсию, живет в Рязани.

Теперь о *Семене Розенфельде*. Когда началась война, Семену Розенфельду не было и девятнадцати лет. Он успел окончить десятилетку в местечке Терновке Винницкой области и был призван в армию. Служил в 152-м отдельном артиллерийском полку 4-го стрелкового корпуса, который дислоцировался в Гродно. О нападении фашистов на Советский Союз узнал не из радиопередач, а по начавшейся стрельбе.

Отходя от границы, остатки его полка остановились неподалеку от шоссе, забитого немецкими грузовиками. Фашисты чувствовали себя настолько уверенно, что на ящиках со снарядами, которые везли на фронт, они беспечно поставили патефон, и вместе с грохотом немецких моторов разносились звуки русских песен.

«Можете себе представить, как мы были измотаны, — вспоминает Розенфельд. — До сих пор не могу понять, откуда у нас взялись силы. Мы моментально окружили шоссе и буквально в считанные минуты все, что находилось на шоссе, было охвачено огнем. Вот вам русские песни!»

В дальнейшем Розенфельд разделил нашу общую судьбу: минский лагерь, Собибор, восстание. Но его постигла неудача — он был ранен. Спустя три часа после бегства из лагеря он почувствовал сильную боль в правой ноге. Плохо: с самого первого дня свободы — калека. Розенфельд вместе с двумя мальчиками, братьями Моником и Юзиком, отстали от группы Боруха и направились на юг к Савнинским лесам. Местные сказали им, что там действует партизанский отряд. Две недели блуждали они по лесу, пока наконец у хутора Яново не наткнулись на потушенный костер. У костра стояла накрытая ветками пузатая макотра, полная вареного

гороха. Ясно, что неподалеку кто-то должен быть. В ста метрах от костра они обнаружили блиндаж, в котором жили пять собиборцев, пришедших сюда десять дней назад, и еще три чешских еврея: Шнобель, Карнишвер и Зильберман. Они бежали из другого лагеря.

В начале декабря выпал первый снег, и, по-видимому, по следам на снегу сюда добралась группа вооруженных польских националистов-аковцев. Из шести человек, не успевших скрыться в блиндаже, пятеро были убиты, одному удалось бежать. Гранатой, брошенной бандитами, был убит еще один человек. Бандиты стали разбирать бревна, которыми был накрыт блиндаж.

У Розенфельда в кармане было три патрона. Он их наскоро связал и положил на бревна, а под ними пристроил горящую свечу. И, представьте себе, патроны выстрелили. Этого было достаточно, чтобы бандиты разбежались.

Теперь в блиндаже их осталось четверо. Почти семь месяцев они еще скрывались у добрых людей на хуторах между Люблином и Хелмом.

Во второй половине 1944 года Красная Армия освободила Хелм. Рана у Розенфельда продолжала кровоточить, но он пошел к советскому коменданту и буквально потребовал отправить его на фронт.

Под Лодзью он солдат, у Познани — сержант. И опять ранение: в правую ногу и правую руку. Обратно в Лодзь, в госпиталь, но на сей раз ненадолго. Когда рейхстаг был еще окутан дымом, у его стены вместе с тысячами других солдат стоял воин. Это был Семен Розенфельд. В неполные двадцать три года голова его была убелена серебристой сединой, а лоб покрыт глубокими морщинами. Он только на минуту перекинул автомат на левое плечо и осколком он выцарапал на стене:

Барановичи — Собибор — Берлин!

Марк Гейликман

ЛЮКА

Торопится время, стирая из памяти лица,
И даты, и тучу подробностей судеб. И нам
Порой начинает казаться, что испепелится
Буквально вся жизнь, что полна была счастья и драм!
И в эти часы безнадежных раздумий, бывало,
Нас мучил вопрос: а зачем это все выпадало
На нашем веку? Для чего мы явились сюда?
И что остается в итоге от нас навсегда?
Но что удивительно — мы отвечаем на грубый
Вопрос, и слова так обыденны, так хороши,
Что кажется — как свое прошлое ни вороши,
Все правильно в нем. Лишь дрожат непослушные губы.

События, которые с нами случались, порою
Печальны и даже порою ужасны, но мы
Стоим за эпоху, что всем нам досталась, горою
И не отступаем среди перемен кутерьмы.
Мы даже пред ней с расстояния благоговеем.
И если случилось в России родиться евреем
И весь век двадцатый, великий и жуткий, прожить,
То это не зря, это нам довелось послужить
Добру — самой подлинной, самой ответственной силе,
Оставив на этой планете особый задел,
С чьей помощью в срок свой останется зло не у дел,
Как будто его незаметно для всех истребили.

Есть нечто почти чудотворное в том превращеньи
Побед и страданий в судьбу — в этот быстрый порыв,
Когда ты сумел повлиять на планеты вращенье,
Ей новую скорость судьбою своею открыв.
И это большая удача, большое везенье!
А ежели совести мучают нас угрызенья,
То только когда обнаруживаешь иногда,
Что лица из памяти стерлись почти без следа.
И губы до смерти дрожат... Потому что — помимо
Усилий отчаянных наших — есть, чтоб ей пропасть,
Еще неизбежность! Но если идет карта в масть,
Злой Рок побеждаем — мы, пусть и не все поправимо!

Как жаль, что не все поправимо... Но эта возможность,
Наверно, всегда существует. Ну пусть и не так,
Как в наших мечтах, коим свойственна неосторожность,
Все сложится, страсть к исправленью — совсем не пустяк!
И в этих метаньях, когда нам не спится ночами,
Не месть, не суды нам мерещатся над палачами,
А тихие лица людей, что навеки ушли
И жизнь так же долго, как ты, провести не смогли...
Вот только треклятая память слабеет, стирает
Черты... От досады в бессилии губы дрожат,
И чувство такое — как будто к земле ты прижат
Навек госпожой Неизбежностью. Не умирает

Одна Неизбежность — по-женски коварная дама!
Зачем на нее так в делах полагается Бог?!
Понять не могу! Неужели настолько уж, прямо,
Надежна она?! Никогда до конца я не мог
Природу почувствовать эту... да мне и не надо!
Сбежав из земного, из сплошь рукотворного ада,
Живу в этом смысле с тех пор я — как будто в раю
Земном! Разве сетовать смею на долю свою?!
Тем более... лица... которые время, хоть тресни,
Стирает из памяти, будят меня по ночам.
И, столько хлопот доставляя родным и врачам,
Слабею, и жить мне становится все неуместней.

Темно. За окошком январь южнорусский. Едва ли
Сравнима такая ночная холодная тьма
С той тьмой, что была в нареченном «еврейском» подвале,
Где немец держал десять дней нас и где мы с ума
Сейчас бы сошли, а тогда не сходили — держались!
А впрочем, кто — мы? Все, что были там — с немцем сражались
И в плен были взяты в лесах Белоруссии, — все
Ребята погибли! Один на земном колесе
Я долго катаюсь — за них всех ем жизни хлеб сладкий...
Темно. В полудреме то в сон погружаюсь, то в явь.
Нет, сил еще хватит! Вот чудится: крылья расправь —
И как полетишь... над Ростовом родным без оглядки.

Нет, есть еще силы, есть шанс победить неизбежность!
Есть выбор! Есть повод дать смерти суровый отпор!
Пока в жилах кровь, в мыслях ловкость и хлад, в сердце нежность,
Мы, смерть на примерку позвав, заготовим топор.
Хотя... ведь когда-то уйти нам всем необходимо?!
Жаль близких оставить! Ответственность снять за любимых
С себя неохота, в последний готовясь поход!
Хотя я им стал доставлять слишком много хлопот
Последнее время. А это солдату постыдно.
И лица стирает бессовестно память, на дне
Которой — отчаянье... Но что это? Чудится мне —
Иль вправду звонок? Ночь! Соседям звонят, очевидно!

Наверное, утро уже! Так бывает: не спится,
Задремлешь — и кажется: спал полчаса, а кругом
Уж утро, иль утро тебе еще медленно снится.
Пока надеваешь очки, наполняется дом
Шумами. И только взглядевшись в часы, понимаешь,
Что мир оживает. И ты, замерев, оживаешь,
Забыв то, что снилось. И лишь неотчетливый след
Того сновидения, бреда — как прожитых лет
Исправленный образ — в тебе остается надолго.
В Ростове январь — это месяц не для стариков!..
Опять телефонный звонок! Кто же это таков?
Нет, братцы, я думаю — спать уже больше без толку!

Никто не подходит!.. Звенит и звенит, окаянный!
Как будто, лишая навеки покоя, зовет.
Жену не бужу. Подойду! Что за деятель незванный
Большим старикам в это утро пожить не дает?!
Когда я уснул, мне приснилась война. Почему-то
Она мне не снилась давно. Стало горько и мутно.
Потом в сон явился Леон, в сорок пятом убит
Полями был он. Мы вместе бежали. Забыт
Мной лик его — я констатировал это с тоскою
Отчетливой, только, уверен я, это был он!
Я тысячу раз вспоминал его, но в этот сон
Явился он, словно звонок, не дающий покоя.

И вот я проснулся и думал, век не подымая,
О том, что я сделал на этом веку? Кто я есть?
Похоже, я прожил, призвание не понимая
Свое. Мстил за мертвых. Но месть моя — все же не месть,
А лишь привлеченье внимания мира к примеру
Отпора ужасному зверству, не знавшему меру,
Примеру спасенья от смерти, надевшей мундир
Немецкий, примеру — какого не знал еще мир —
Геройства тишайших людей, умерщвляемых тучей...
Сегодня и пару шагов мне пройти тяжело.
За стену держась, шел и тапки терял я... «Алло!
Алло! Кто звонит? Говорите, коль свел уж нас случай! —

Хрипел он. — Алло...» В трубке долго и горько молчали.
И он, осердившись, хотел уж прервать монолог.
Но тут на другом конце провода вдруг зазвучали
На идишь слова. И почудилось, что потолок
Кренится и падает — так голова закружилась.
Там был голос женщины: «Саша! Ну вот, я решила
Приехать! Теперь много легче приехать в Союз!
Ну, здравствуй! Меня, Саша, ты не узнал, я боюсь!»
И сердце с тревогой забилося. От этого стука
Он долго не мог говорить, только слушал. Потом
Промолвил: «Вы кто?» — пересохшим до ужаса ртом
И, зная ответ, содрогнувшись, услышал: «Я — Люка!»

«Как... Люка?..» — сказал он и вдруг оглянулся с опаской.
Пустой коридор. Тишина в коммунальном жилье.
И тут он pokrылся как будто бы белою краской.
Ему показалось, что нет никого на Земле.
И только она где-то рядом, приехав оттуда,
Подобно знаменью и обыкновенному чуду,
Так запросто с ним говорит, прерывая слова
Молчанием долгим. И он прохрипел: «Ты жива?» —
И сам ужаснулся бестактной ненужности этих
Вопросов. На том конце провода слышался плач.
Он поднял свой взгляд, взгляд вперился на вешалке в плащ,
И, взяв себя в руки, он все теперь четко наметил.

«Мы можем увидеться?! Я расскажу тебе, Саша,
Как жизнь моя после сложилась! — на той стороне
С рыданием справилась женщина, будто слез чаша
Наполнилась. — Ты не слыхал ничего обо мне
С тех пор. Я за все объяснюсь!» Он почувствовал: силы
К нему возвращались стремительно, будто крутила
Земля время жизни обратно. И он по-мужски,
Спокойно промолвил, не выдав того, что в куски
Внутри него сердце рвалось: «Я готов! Через десять
Минут выхожу!» (он позвать не решился к себе).
И ноги окрепли, и дрожь прекратилась в губе.
«Ты где?» — «Я в гостинице! Я тебя жду! Нынче месяц

Холодный! Наверно, сейчас неуместны гулянья?!
Я жду тебя в номере! Ты приходи ко мне, Саш!
Записывай адрес мой!» И исковеркав названья,
Она диктовала: гостиница, номер, этаж!
Оделся он быстро, как будто ему было тридцать —
Не восемь десятков. Казалось — земля загорится,
Когда он бежал, под подошвами зимних сапог.
Записку жене не оставил: признаться не мог
Пока — с кем назначил в гостинице нынче свиданье.
Бежал, как тогда — в октябре он по польским лесам,
Не чувствуя боли. И лишь, в темноте по глазам
Ударивши, ветер слез вызвал ручьи без рыданья.

Бежал он космически-быстро и вместе с тем долго,
Мучительно-долго. Бежал, вспоминая про то,
Про что вспоминал уже тысячи раз он — по долгу
Призванья, про то, что почти что не помнит никто.
Их — спасшихся — мало на нашей планете осталось.
И крохотность эта, и эта спасенная малость
Его удручала всю жизнь — он немногих довел
До наших. «Я мог бы и больше!» — корил себя. Мол —
Не все удалость, как планировал он. «Потому-то
Спаслись единицы, а думалось — сотни. И вот
Еще одна жизнь! Получается — Люка живет...»
И он поражался тому — как случайности круты.

Он множество раз пересказывал эту балладу —
И устно, и письменно. В книгах, в статьях, в интервью.
Он тихо, но жестко твердил, что так больше не надо!
Что мир должен помнить историю эту свою!
Но нынче, теперь, на бегу вспоминалось все как-то
Иначе — точнее и выпуклей делались факты,
И даже сильнее, чем тогда, когда он выступал
В суде, где судили охранников. Будто копал
Все глубже и глубже историк неведомый, душу
Терзая ему. Только лица людские почти
Все стерлись из памяти — будто бы он на пути
Забыл их. И узнаваемей, тише и глуше

Звучали в ушах голоса их... Был призван с начала
Войны, дальше фронт, плен, подвал без окон — когда он
Был признан евреем, — и дрожь, что почти замолчала,
Когда в Собибор его гулкий привез эшелон.
С ним вместе приехали дедушки, матери, дети
Из Минска. Эсэсовцев крик и подробности эти
Ему хладнокровья придали. Он встал на плацу,
Спокоен. Эсэсовец определил по лицу
И крепкой фигуре работника в нем золотого.
И с группой других офицеров советских его
Отправили в лагерь рабочий. Там и до него
Из стран европейских евреи работали. Снова

Он был не растерян. С друзьями стоял, озирая
Окрестности лагеря. Вдруг — от них чуть вдалеке —
Труба задымилась, и что-то запахло, сгорая.
Друзья обратили на это вниманье в тоске.
И к ним подошел человек, что из Польши был, видно.
Спросили они: «Что дымится?» — «Так там, очевидно,
Горят те, что с вами сегодня приехали!» — «Что?..» —
Воскликнули хором советские парни. Никто
Не дрогнул, но лица на миг прекратили движенье...
Он помнил, отчетливо помнил тот запах, тот дым,
Как будто остался навеки он тем молодым,
В плену, лейтенантом, что дел оценил положенье.

«Нас тоже убьют и сожгут, только после. Нам дали Отсрочку, пока мы работаем», — проговорил Спокойно и буднично тот человек. Его звали Леон — так представился всем он. И Саша закрыл Глаза, вспоминая тех женщин, детей из вагона, С кем вместе приехал. Ему показалось — законы Природы нарушены в этом ужасном краю. И ночью в бараке, когда он лежал, как в строю, На нарах, поклялся, что сам не умрет он, покуда Не сгубит кого-то из немцев, хотя б одного Нациста. И мысль эта, целью снабдивши его, Наполнила жизнь его здесь ожиданием чуда.

Он все вспоминал, по проспектам родного Ростова Стремглав пробегая, про рейсовый транспорт забыв. Он все вспоминал, будто жизнь начинается снова, Лишь лица теряли черты свои. Силы скопив, Он вновь рассмотреть их пытался, но все было тщетно... Три дня прошло после прибытия в Польшу — заметно Приблизился он к своей цели. — Работали все, Гремя в унисон топорами, в лесной полосе. И тут на эсэсовца он загляделся, который Взмахнул своей плеткой, ударить с восторгом спеша Того заключенного, чьи ослабели душа И руки. Эсэсовец взгляд ощутил этот. Скорый

Всегда на расправу кровавую, к Саше направил
Шаги свои немец, пока потеряв интерес
К тому заключенному. Пень перед Сашей поставил.
«За пять минут в щепки расколешь его — молодец! —
Сказал. — Я тебя награжу сигаретами — пачкой!
А коль не успеешь, — продолжил с ухмылкой смачной
Германец, — тогда вместо ужина тридцать плетей
Получишь!» Он был франт, садист и убийца детей.
И Саша разбил этот пень за четыре минуты.
Фашист сунул в нос ему пачку своих сигарет.
Но «Я не курю!», удивившись, услышал в ответ.
Тогда он ушел, взяв пижонски под мышку свой кнут, и

Вернулся с куском хлеба, и протянул его Саше.
Но Саша не взял и, оставившись робко на кнут,
Промолвил смиренно (рука немца дрогнула даже):
«Я благодарю! Мне хватает того, что дают!»
И после по лагерю стали курсировать слухи
О Саше. И вскоре к нему подошли — с виду мухи
Они не обидят — ребята, среди них был Леон.
И Сашу они всей толпой попросили, чтоб он
Командовал ими, поскольку они о побеге
Давно размышляют, но поодиночке бежать
Нельзя, потому что, во-первых, легко их поймать,
А кроме того — земляков уничтожат всех. Снеги

Пойдут через месяца два, и леса полысеют.
Поэтому нужно спешить. Срок, похоже, настал.
И видя, с какой на него все мольбою глазают,
Он думал недолго, потом согласился. И стал
Прикидывать план, способ, метод, обмыслил заданье
И понял, что нет у них способа, кроме восстанья.
Что нужно убить всех эсэсовцев и захватить
Оружье, на вышках охранников снять — и валить
Всем лагерем в лес по сигналу, раскрывши ворота.
И дальше пытаться бежать в Белоруссию за Буг.
Туда уже немцы, пока переварят испуг,
Не сунутся — там партизаньи края да болота.

И он вспоминал, как, готовясь к восстанию, к драке,
Они замыслили всё — как порешили тайком
Встретаться под видом амурных дел в женском бараке,
И каждому выбрана пара была... «Да — знаком, —
Мелькнуло вдруг, — голос! Ура! Это именно Люка!»
Их там познакомили. Как боевая подруга
Она была рядом с ним эти недели, пока
Готовилось все. Хороша, молода и тонка —
Запомнилась Саше она бесконечно надежной,
По-женски надежной — с той подлинною красотой,
Что делает лучше мужчину, уверенней, с той
Особою тайною женской и с лаской тревожной.

Она была юной совсем — лет семнадцать. Он позже
Узнал, много позже — когда появились про те
События книги и фильмы, и, Господи Боже,
Узнал мир об этом — он выяснил в чем-то труде,
Что, предположительно, девушку звали Гертруда,
Что родом она из Голландии, видимо. Люду
Там было полно, в Собиборе, — из разных краев
Евреи. Следы многих после расправ и боев
Совсем потерялись. Особенно, коль не остались
Родные, коль некому плакать, искать, в рог трубить,
Коль всех до единого немцы успели убить...
И так же сейчас вот из памяти лица терялись,

И он ничего с этим сделать не мог. Торопился.
И время, казалось ему, торопилось. И бег
Во что-то иное — в особый порыв превратился,
В попытку исправить прошедшее. Дождь или снег
Пошел — он не понял. Снег редко бывает в Ростове.
Но он не замедлил, не сбавил шаги — сдвинул брови
И ринулся, словно в тот день, с жадной страстью одной —
С намереньем смерть победить. Шел на смерть он войной...
И он вспоминал, как казалась так долгой разлука, —
Под вечер встречались они. Каждый был — словно тень.
И он всем рассказывал, что он придумал за день.
Она была рядом, он произносил: «Люка, Люка...»

И это приятное для языка сочетание
Согласных и гласных — по паре — впечаталось на
Всю жизнь. Слез не лил — уж такое имел воспитанье,
Но только во рту появлялись те пары — волна
К глазам подступала, он еле справлялся с собою,
Лицо отворачивал, если был рядом с толпой.
Всю жизнь он, всю жизнь повторял это имя в тот час,
Когда рвал себя на кусочки за то, что не спас
Всех тех, кто погиб, был растерзан, сожжен в Собиборе,
Всех тех, с кем провел эти невероятные дни,
К нему по ночам постоянно приходят они,
Лишь лица последнее время забылись на горе...

Он помнил, всё помнил!.. Они собирались под вечер
И планы свои обсуждали, стремясь рассчитать
До тонкостей всё по минутам. Их тайное вече
И сделалось штабом восстания. Чтобы восстать,
Придумал он — всех уничтожить эсэсовцев. «Будем
Их по одному приглашать — никого не забудем —
К себе в мастерские. Предлоги найдем: одному
Примерим мундир, что сейчас только сшили, тому,
Кто шкаф заказал, посмотреть на работу предложим.
И тихо уьем их, под лавкой оставим лежать!»
«А сможем? — спросил кто-то. — Мне не случалось держать
Оружье в руках еще в жизни! И многим здесь!..» — «Сможем!» —

Ответил он твердо, уверенность в души вселяя.
Он все проработал, не думал уже ни о чем
Другом, эта страсть, все иное внутри притупляя,
Владела им полностью. Лагерь был не обречен —
Он верил отчаянно в это — есть способ прорваться.
Вкруг лагеря мины рядами, но будут взрываться
Лишь камни, которые станем бросать перед тем,
Как ринуться в лес. Он еще и еще раз — тих, нем —
Просчитывал время и действия. Слушал доклады
Других заключенных тайком, за охраной следил —
Прикидывал: сколько на вышках, у склада верзил,
В какой час оружие сдают, как сменяют наряды.

Он жил, жаждал чуда, боролся со смертью — с немецкой
Ее инкарнацией, планов готовил ей слом.
И всей его группой владел не задор молодецкий,
А схватка за жизнь вперемешку с борьбою со злом.
И всеми друзьями владела чудесная сила —
Он видел — все были смиренны, храбры и красивы.
И он — лейтенант Красной Армии, русский еврей
Возмездия акт сотворял для нацистских зверей.
И знал: на него все надеются — знать, ошибиться,
Запутаться в главном, людей подвести он не мог!
И русско-еврейский, душой ощущаемый, Бог
Поможет — он чуял. И долг заставлял торопиться.

В аду — в Собиборе, где каждый из близких видался,
Быть может, в сегодняшний вечер последний разок,
Он, если так можно без дрожи сказать, наслаждался
Ребятами — теми, кого он там встретил! — Высок
Так был их порыв, отношенья нежны и небесны
Так были; здесь люди, стоящие на краю бездны,
Друг друга ценили — как мало кто в мире ценил
Друг друга, и эту любовь он навек сохранил.
Всю жизнь он потом добивался таких отношений
И воссоздавал, ретранслировал эту любовь,
И Люка, Леон и другие к нему вновь и вновь
Во снах приходили, мир делая чуть совершенней.

И вот наступил день назначенный! Утро настало.
С утра лагерь как-то особенно был напряжен.
Предчувствие в воздухе громких событий витало.
Все ждали, готовясь. Все знали, что кто-то лишен
Сегодня из них будет жизни, наверно, но души,
Взволнованы ветром спасенья, метались — аж уши
Закладывало, будто скорость набрала Земля
Другую... Старт!.. Первый эсэсовец, как с корабля
На бал, прискакал примерять свой мундир на кобыле
На белой. Одели его. Любовался собой
Пока он, уже заключенный стоял за спиной:
Вздохнул — и огрел палача топором, а добили

Все вместе его. Саша взял пистолет у нациста.
Кобылу же от мастерской отвели далеко.
«Давайте другого! Пока всё по времени — чисто!» —
Командовал Саша. Он знал: многим здесь не легко
Рубить топором или резать ножом человека,
Пусть даже садиста, убийцу родных. В эту реку
Ему было проще ступать — он уже воевал,
Лил кровь, хоронил сослуживцев, стрелял, убивал
И яростью был благородной пропитан до дрожи.
Но все получалось пока (чтоб не сглазить)! Один
К ним шли за другим палачи. Он считал и следил
За тем, как меняются смертно мучителей рожи.

Он был хладнокровен. Все двигалось по распорядку —
Девятый, десятый гад... Скоро пора выступать.
Сейчас всё по плану, но дальше придется несладко —
С оружием склад захватить и охранников снять
С постов, с ворот, с вышек — задача, увы, непростая.
Но если поймает кураж и сорвемся, как стая,
То вдруг и получится. Все были так хороши,
Так слаженно действовали, так его от души
Все слушались, но и поддерживали взглядом, словом
И делом, что он был обязан свой план довести
До точки — всем лагерем, путь пробивая, уйти, —
И быть к неудачам на каждом этапе готовым.

Не всех палачей удалось заманить — кто уехал
Из лагеря, кто был убийствами занят, а кто
Почуял какой-то подвох. Был открыт счет помехам.
Но медлить нельзя, надо бой дать открытый, а то
Спохватятся — и преимущество мы потеряем.
Сигнал... крики... выстрелы... ругань охранников с лаем
Собак... небо белое... Лагерь сорвался с цепи.
Охранники сообразили — вопи не вопи —
И взяли в кольцо склад с оружием. Не получилось
Его захватить. А толпа уж стремилась, как рой.
Ребята стреляли оружием отобранном, бой
Был злой и неравный. Ворота открыть не случилось.

Но несколько сотен людей, зараженных порывом
К спасенью, к свободе, к борьбе против смерти самой,
Бежали с презреньем к летающим пулям и взрывам
И рвали колючку телами и мины собой,
Делясь на куски, обезвреживали, расчищая
Дорогу для тех, кто шел следом за ними, прощая
Оставшихся после всех этих событий в живых...
Ушел он последним из лагеря. Он не привык
За время войны уже паниковать. Убегая,
Увидел нациста — кому пень колот — на крыльце.
Тот был не таким, как всегда, — измененным в лице.
И Саша стрелял в него, но не попал. И ругая

Всю жизнь себя страшно за промах, он помнил, как этот
Гад мальчика малого камнем забил на глазах
У матери. Мать захлебнулась кровавого цвета
Слезами. Был суд над ним в семидесятых годах.
Но так он и не был наказан, и умер в постели
Своей... Мины гулко взрывались, и пули свистели.
И Саша бежал, небольшой за собою отряд
Ведя. И бежали они день и ночь всю подряд.
Поскольку прикинул он, что отойдут после шока
Фашисты к утру, и поэтому нужно свалить
Как можно подальше, и Бога по ходу молить,
Чтоб Бог им помог Буг увидеть до этого срока.

Спешили они, он все спрашивал — видел ли кто-то
Леона и Люку и прочих, ушли ли они?
«Не видели? Точно?» — пытал он в десятый и в сотый
Раз тех, кто бежал с ним в ту ночь. «Саша, нет! Извини!» —
Твердили они, на бегу пожимая плечами.
И он, никого не коря, не впадая в отчаянье,
Надеялся, что убежали дорогой иной
И смогут уйти, схорониться. «Не всем же со мной
Быть рядом, ведь маленькой группой спастись много проще!»
Потом тыщи раз он на это себе возражал.
Но нынче бежал, вел людей за собой и бежал,
Леса позади оставляя, опушки и рощи...

Бежал он... Гостиница! Вот она! Он отдышаться
Не мог. И спросила дежурная: «Ну? Вы к кому?» —
«Я к Люке...» — сказал он, почуяв, что стал нарушаться
Ход времени. Злобно воскликнула: «Я не пойму!
В какой направляетесь номер?» — дежурная. «Вот он!» —
Он записи ей протянул. И она — глаз наметан —
Его пропустила, чуть сжалившись над стариком.
Ему показалось, что взгляд ее чем-то знаком,
Но он уже мчался по лестнице, не узнавая
Себя. И когда постучал он и, дверь отворив,
Увидел там даму, и, глаз глубиной покорив,
Ему улыбнулась она, он спросил: «Ты живая?» —

Опять. И опять прикусил свой язык неумный.
«Да ты не спеши, проходи, раздевайся, садись!» —
Сказала она. Осмотрелся он. Номер был скромный,
Но для иностранцев — уютный. «Сперва наглядись, —
Воскликнула Люка, — потом я тебе все открою!»
Молчали они. Он ее не узнал, но порою
Казалось, что в ней оживала та Люка на миг,
Хоть он и не помнил лица. Червь сомненья проник
Почти в его душу, но стала рассказывать дама
О том, что она убежала, прорвавшись, в тот день,
Что после скитаний в одной из глухих деревень
Сумела спастись она — польских, священник был там — и

Он спрятал ее, перекрасил ей волосы в белый
Цвет польский, а после крестил ее — не было сил
Противиться этому. Был он хороший и смелый —
Собой рисковал, укрывая ее. Попросил —
Она согласилась, хотя и еврейского Бога
Не бросила, в сердце оставила верности много
Ему, но частенько себе задавала вопрос:
«Где был Он, когда убивали евреев?» От слез,
Быть может, себя втихаря разрывал Он на части?!
Но ей Он помог. Он и Саша. И все, кто спасен,
За Сашу молиться должны. И когда она в сон
Приходит к нему, то живет живых всех от счастья.

А после войны, взяв чужие с фамилией имя,
Она возвратилась на родину, жить начала
Сначала. О том, что творилось в дни адские с ними
Там, в лагере смерти, забыть на полжизни смогла.
И книг не читала про это, кино не смотрела.
Узнала — кто жив, но себя выдавать не хотела.
И только сейчас, на закате, она поняла,
Что время пришло, что всю жизнь этой встречи ждала.
И он ликовал! На глазах улучшалось безмерно
Прошедшее, и выяснялось, что Люка жила
На свете, как он. Выяснялось — что наша взяла,
Что он сделал дело и смерть побеждалась как скверна.

Она говорила (хоть чуть на ходу показанья
Меняла), о том, что она не погибла, что там
Не кончилась жизнь, чтобы снял он с себя наказанье
За гибель ее и что счастлива не по летам,
Что, как и у всех у живых, у нее были муки
И радости, муж, дом, занятия, дети и внуки,
Что он ее спас, что осталась она на Земле
И не растворилась, как сотни бежавших, в котле.
А просто на долгие годы из виду пропала.
Смотрел на нее он, лица напряженно черты
Пытаясь узнать. И спросила она: «Как жил ты?»
И он вострепнулся. Прозренья пора наступала.

И он ей рассказывал — как-то спеша, задыхаясь
(Она иногда отвечала улыбкой, кивком) —
О том, как попал к партизанам, по лесу скитаясь,
И год партизанил, работая подрывником.
А после, когда подошли регулярные части,
За то, что в плену был, его наказали — на счастье,
Отправили довоевать в штурмовой батальон.
Но он всем рассказывал о Собиборе, но он
Все помнил. И даже его посылали в столицу —
Он эту историю там повторил много раз.
И вышли статьи, и рассказ его многих потряс.
Он все не забыл. Но стареет — теряются лица...

И он заверял, что ни разу за жизнь после ада
Не жаловался на судьбу, не считал ее злом, —
Уверен, что все то, что с ним происходит, — так надо!
И что — и за это «спасибо», а не «поделом».
При Сталине было сурово, но было немало
И радостей — общих усилий волна подымала.
Потом стало лучше, хоть антисемитский настрой
Властей и казался уж невыносимым порой,
Но в чем-то была очень доброй страна эта, нужной,
И он приучился такую ее принимать —
Как есть. Хоть традиции многие надо сломать,
Но только не резким толчком, а работою дружной...

Потом он поведал про всех тех, кто выжил и дожил.
Кто — здесь, кто — в Израиле. Все переписку ведут.
Все были они на судах над германцами тоже —
И здесь и в загранке. Ему-то как раз не дают
Возможности выехать. Но это, вообще, не важно!
Леон, к сожаленью, погиб. Он бежал и отважно
Сражался потом, но поляки убили его.
«Но главное, — он говорил, — не забыть никого —
И все будет правильно, жизнь потом лучше продлится —
Уж после всех нас!» И он нежно взглянул на нее
И взял ее руку. «Вот только здоровье мое
Подводит последнее время — теряются лица

Из памяти...» — «Довоевал как?» — она вдруг спросила.
«Был ранен. Лег в госпиталь, так и покончил с войной...»
Наличием своим эта Люка его уносила
В еще незнакомые дали — он чуял... С женой —
Рассказывал — как познакомился, раненный. Вместе
Прожили всю жизнь. Но могли бы лет сто или двести.
Бывало по-всякому. Бог и берег, и хранил,
За войны наград и регалий ему не дарил,
Но длинную жизнь получилась, надежной, хорошей.
Терзает одно — этих лиц постоянный уход.
«Ребят наших путаю в снах теперь!» — «Это пройдет! —
Сказала она. — Это, Саш, расстанешься ты с ношей,

С тем грузом, который все время был, Саша, с тобою,
Под тяжестью чьей ты мстил немцам и книгу писал.
С ответственностью по чуть-чуть расстанешься земною...
Рассказывай, Саша! Ведь ты мне не все рассказал!»
И он говорил. Про судьбу, про жену и про дочку,
Про то, кем работал. Всю жизнь разложил по кусочку
Зачем-то. Про хаос, что нынче страну поглотил...
«Послушай, ответь — ты чему свою жизнь посвятил?» —
Она перебила его. Он запнулся. Но краткой
Была эта пауза. Он не обдумывал, нет.
Он был хладнокровен. Он знал, что ей скажет в ответ.
Но сердце наполнилось нехотой смутной догадкой.

«Скажи, ты — действительно, Люка?» — спросил он смиренно.
«Конечно же Люка! — сказала она. — Бог ты мой!»
И он говорил, наконец ощутив перемену,
Поняв, что отсюда уже не вернется домой.
Что все это мнится, что это уже не живое!
Что город, гостиница, люди, снег над головою
Уже не на этом находятся свете, что он
Уже умирает, болезнью, как пулей, сражен.
Что смерть позвала его в эту гостиницу, грубо
Его обманув, показав, что сильнее она,
Но горькой досады его не свалила волна,
И он не рыдал, от бессилья не дрогнули губы.

И он говорил, невзирая на то, что уж звука
Не слышалось голоса, он говорил, смертью зван,
Как будто пред ним постаревшая девушка Люка
И то, что воскресла она вдруг, — отнюдь не обман!
И так же мила она, так же ему помогает.
Казалось ему, что устами его Бог слагает
Основу для жизни грядущей без войн и расправ.
И он говорил, смерть отчетом коротким поправ.
Она его слушала, руку держала покорно.
И тут наконец он лицо ее точно узнал.
Конечно же, Люка!.. И он говорил и менял,
Ведя по-мужски себя, мир и людей чудотворно.

Торопится время. Но эти стремительность, скорость
Дают нам возможность и тратить себя, и беречь,
Повсюду преследуя скромную выгоду, корысть,
Мир сделав добрей чуть и нравственней, в землю залечь.
Пускай наши планы меняют и рушат события
И нас проверяют на прочность в труде, в войнах, в быте,
Да так проверяют порою — что стынет душа,
И после проверки мы так дорожим всем, дыша
Над каждым, к тебе обращенным, теплом тихо, тихо, —
Чтоб нежное чувство, любовь, не дай Бог, не спугнуть.
Пускай нас пытаются с главной дороги свернуть
И жить приучить мелко, алчно, беспамятно, дико,

Но мы не сдаемся. И это до тонкости просто.
Хоть кажется невыполнимой задача порой!..
Чему посвятил я себя? Мне достались по росту
И счастье, и горе! Я — не богатырь, не герой,
Не мудрый ученый, не пылкий поэт поколения,
Но мне довелось всю судьбу подчинить проявлению
Добра в нашем веке. На маленьком месте своем
Я то создавал — что мы все тыщи лет создаем
На этой планете и ради чего умираем,
О чем, смысл ища свой, болтаем в быту и в бреду, —
Я то создавал, сам в земном побывавши аду,
Что можно — напротив — наверно, назвать земным раем:

То время, то жизни совместной людской состоянье,
В котором не будет уж места насилию, злу,
Предательству, станет надежней любовь, постоянной,
И голод, нужда, нищета превратятся в золу.
Я жизнью своею чудесной и обыкновенной —
Цепочкой поступков, гуманностью мысли мгновенной,
Привычкой к заботе о близких, к ответу на ту
Любовь, что от них получаю, на ту красоту
Пристрастья ко мне, нетерпимостью к злости жестокой
И подлости мерзкой, страны пониманьем своей —
Закладывал камень в создание рая. И дней
Не жалко растроченных, отданных службе высокой.

Быть может, не все получалось, не все выходило,
И не награжден, не прославлен отчизной родной, —
Так я ж человек, я ведь делал лишь то, что под силу.
А кроме того, наши планы в пределы одной
Простой человеческой жизни не могут вместиться!
Они много шире! Все то, для чего жил, случится,
Но после и лучше! И даже прошедшее мы
Умеем менять, трансформировать в счастье, пойми,
Коль не отступаем в судьбы своей деле. Находит
Нас прошлое. Вот и меня ты нашла. И я рад,
Что смерть побеждаем мы... Только вот лица ребят
Мутнеют... Но ты говоришь, что и это проходит...

Она изменилась в лице. Он все понял. Но нежность
Пронзила его. Он ее за коварство простил,
И выпрямил спину. Сама госпожа Неизбежность
Сидела пред ним. И его вздох последний вместил
В себя горький ужас пред полной разлукой с родными
И счастье — опять сладко произносить ее имя
И верить, что он не оставил в аду никого,
Что вновь в самый смертный момент она с ним, для него...
И радуясь, что он уходит на этот раз с нею,
Напрягся, ответственность чтоб удержать на себе
За всех, кого любит. Но дрожь вновь возникла в губе
И он улыбнулся, чтоб спрятать волнение, бледнея.

Она повлекла его за руку мягко. Картинка
Январского утра сменилась, все стало иным.
«Пошли! — прошептала она. — Это только заминка!
Пора!» Та, что в сны приходила, явилась за ним.
Не струсил он, нет! Но на миг захотел обернуться,
Чтоб предупредить, щек любимых губами коснуться! —
Никак не хотелось снимать с себя груз этот, но
Он знал, что впервые ему выбирать не дано.
Они зашагали дорогою темной с огнями.
Она была рядом — как прежде, надежна, добра.
Они удалялись над зимним Ростовом с утра,
Теперь становясь лишь двадцатого века теньями.

Апрель 2011 г.

Обращение общественности к Президенту Российской Федерации

Президенту Российской Федерации
Владимиру Владимировичу Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

Зная Вас как последовательного и влиятельного лидера, неустанно напоминающего международному сообществу о ключевой роли СССР в Великой Победе, мы просим Вас лично особо отметить забытого героя той войны — офицера Красной Армии Александра Печерского.

В октябре 1941-го Печерский, вынося из окружения под Вязьмой раненого командира, был ранен сам и попал в плен. После двух лет, проведенных в фашистских застенках, он как еврей был отправлен в лагерь смерти «Собибор». Там всего за три недели, каждый день рискуя оказаться в газовой камере, Печерский сумел спланировать и успешно осуществить интернациональное восстание заключенных из стран Западной Европы и Польши. Попытки подготовить побег предпринимались узниками и ранее, но уничтожить десятки эсэсовцев и их приспешников — охранников-вахманов (из числа предателей, главным образом — украинских националистов) удалось лишь с появлением Александра

Печерского, возглавившего группу советских военнопленных. Вслед за ними на штурм заграждений пошли сотни смертников, более двухсот из них сумели вырваться из лагеря, который был немедленно ликвидирован по личному приказу Гимmlера. Часть восставших остались в Польше, где многие из них были убиты уже польскими националистами, а советских солдат Печерский привел в белорусские леса, к партизанам.

Восстание в Собиборе, в отличие от всех других героических актов сопротивления (даже таких, например, как массовое восстание в Варшавском гетто), завершилось — исключительно благодаря беспримерному мужеству и выдающемуся организаторскому таланту Печерского — победой над немецко-фашистской машиной истребления людей, что делает этот подвиг беспрецедентным в истории Второй мировой войны.

Как это ни парадоксально, но на Западе о восстании в Собиборе и его руководителе-герое создано множество фильмов и книг, а в России о нем до сих пор знают недостаточно. Это особенно заметно на фоне всемирной известности одного из собиборских палачей — американца украинского происхождения Ивана Демьянюка, который был осужден именно на основе показаний соратников Печерского. (Следует отметить, что сам Александр Аронович вплоть до самой своей смерти в 1990 году, будучи человеком исключительной личной скромности, оставался непререкаемым авторитетом для своих товарищей по

оружию, настаивая на сохранении памяти о павших «в той последней слепой атаке» и неустанно добиваясь наказания военных преступников.)

Хотя уже в августе 44-го Василий Гроссман написал о героях Собибора в «Красной Звезде», а вскоре на публикацию в «Комсомолке» подробным письмом откликнулся сам Александр Печерский, собственно герои — по известным причинам — так и остались без заслуженных наград (если не считать таковыми отправку в штурмовые — штрафные — батальоны и т. п.). В 45-м Вениамин Каверин опубликовал в журнале «Знамя» очерк «Восстание в Собибуре», который Илья Эренбург включил в так называемую «Черную книгу» (в СССР к публикации запрещена)...

В сентябре будущего года будет отмечаться 70-летний юбилей восстания. Нам представляется, что вопиющая несправедливость, допущенная в отношении героев, должна быть, наконец, устранена. Александр Аронович Печерский совершил беспримерный подвиг, проявил лучшие качества советского боевого офицера, в нечеловеческих условиях личным примером указав всем народам мира путь к победе над Злом. Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой присвоить А. Печерскому звание Героя России (посмертно), а также наградить ныне здравствующих советских солдат — участников восстания: россиянина А. Вайцена и граждан Украины и Израиля А. Вайспапира и

С. Розенфельда. Кроме того, мы просим Вас придать предстоящим памятным мероприятиям государственный статус и рекомендовать соответствующим ведомствам включить информацию о подвиге героев Собибора в школьную программу. Мы уверены, что все это послужит делу борьбы с модными ныне в некоторых европейских странах попытками героизации нацистов и их пособников, а также с другими порочными тенденциями к пересмотру итогов Второй мировой войны.

С уважением,

и. Рушан Аббясов, имам-хатыб,
заместитель Председателя Совета муфтиев России
Вадим Абдрашитов, режиссер
Алексей Венедиктов, журналист
Роман Виктюк, режиссер
Андрей Воробьев, академик РАН и РАЕН
Александр Городницкий, поэт, бард
Игорь Губерман, поэт
Денис Драгунский, писатель
Александр Друзь, телеведущий, магистр игры «Что? Где? Когда?»
Борис Зимин, ученый, президент ОАО «Вымпелком»
о. Леонид Калинин, протоиерей,
член Патриаршего совета по культуре

Юлий Ким, поэт, бард
Иосиф Кобзон, певец
р. Исаак Коган, раввин, кавалер ордена Почета
Владимир Любаров, художник
Леонид Млечин, историк
Лев Новоженов, журналист
Леонид Рошаль, врач
Дина Рубина, писатель
Николай Сванидзе, журналист, член Общественной палаты РФ
Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности
Борис Стругацкий, писатель
Оскар Фельцман, композитор
Мариэтта Чудакова, писатель*.

* На момент сдачи книги в печать под обращением стояли эти подписи, а также подписи членов инициативной группы по увековечению памяти Александра Печерского, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Минске, Киеве, Бостоне, Амстердаме, Тель-Авиве и других городах.

16 ноября 2012 года с предложением о награждении и увековечении памяти А. А. Печерского к Президенту РФ обратилась также Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» (решение Политкомитета № 46).

22 января 2013 года «благородную деятельность по сохранению памяти Александра Печерского... от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла» поддержал Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Иларион, направив соответствующее обращение в Администрацию Президента РФ, к исключительной «компетенции которой относятся вопросы представления к государственным наградам».

Рукопись воспоминаний А. А. Печерского предоставлена С. Богдановой и является расшифровкой его монологов, предположительно записанных и обработанных Г. Шапиро в 1964–1973 гг. При подготовке текста к печати выявилось некоторое количество логических пропусков, которые были заполнены близкими по смыслу отрывками из подцензурных воспоминаний Печерского, опубликованных при его жизни. Подобное неизбежное в нашем случае редактирование материала повлекло за собой включение в текст связующих слов, предложений и абзацев с целью придать повествованию последовательность.

Фотографии предоставлены семьей А. А. Печерского, а также С. А. Богдановой, С. С. Виленским, А. Н. Марутяном, НПЦ «Холокост» и РБОО «Возвращение».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Сванидзе. Предисловие</i>	5
<i>Александр Печерский. Воспоминания</i>	7
Первые испытания	11
В минском лагере	20
Каждого пятого	28
Фабрика смерти	37
Час пробил	85
Мы победили	103
 <i>Марк Гейликман. Люка</i>	 122
 Обращение общественности к Президенту Российской Федерации	 150

Литературно-публицистическое издание

Александр Печерский:
прорыв в бессмертие

Редактор

Юрий Левин

Корректоры

Ирина Машковская

Марина Посадская

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Подписано в печать 17.04.2013.
Формат 70x108 1/32. Усл. печ. 7,0 + вкл.
Бумага писчая.
Тираж 1000 экз. Заказ № ...

«Время»
115326 Москва ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 951 5568
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Александр Печерский совершил беспрецедентный подвиг, проявил лучшие качества советского боевого офицера, в нечеловеческих условиях личным примером указав всем народам мира путь к победе над Злом.

*Из обращения общественности
к Президенту РФ В. В. Путину*

